

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 28

1981

Татьяна ТРОИЦКАЯ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ФРОНТОВОЕ СВИДАНИЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 28

Татьяна ТРОИЦКАЯ

ФРОНТОВОЕ СВИДАНИЕ

О Ч Е Р К И

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Татьяна ТРОИЦКАЯ

Татьяна Николаевна Троицкая родилась на Урале, в Челябинске. Во время Великой Отечественной войны работала в колхозе под Клином, на Челябинском тракторном заводе. В 1942 году ушла на фронт, была связисткой.

После войны окончила Государственный театральный институт имени А. В. Луначарского. С 1951 года — сотрудница журнала «Огонек».

Очерки, репортажи, театральные рецензии Т. Троицкой публиковались в «Огоньке» и других изданиях.

В этой книге собраны очерки и репортажи Татьяны Троицкой, посвященные тем, кто участвовал в Великой Отечественной войне.

А МЫ ТАКИЕ МОЛОДЫЕ

Я иду по широкому заводскому двору Челябинского тракторного. Солнце бьет в глаза, утоптаный снег скрипит под ногами...

Цех бортовых редукторов и фрикционов. После ясного дня здесь как будто бы пасмурно и очень шумно. Между станками спокойно ходит статная женщина в синем халате и красной косынке. Она поправляет резец, что-то объясняет черноволосой, скуластенькой девушке.

— Раиса Васильевна Волченюк, — представляют мне работников. — Командует станками и «женским вопросом» в месткоме.

Раиса Васильевна Волченюк — наладчица. В ее ведении одиннадцать токарных станков, а на ее «счету» сотни учеников, ставших квалифицированными рабочими.

— Наша Раиса Васильевна морячкой была, — вступает в разговор девушка. — Она ведь воевала!

Раиса Васильевна улыбается. И сразу молодеет. Особенно глаза — светлые, ясные. Наверное, очень хороша была в морской форме!

— Да, завидовали мне «сухопутные» девчонки, — как будто отвечает она мне. — Я служила в береговой обороне Черноморского флота связисткой. Звание у меня было старшина второй статьи. Сюда, на ЧТЗ, пришла уже после войны — в сорок восьмом году.

А я — в сорок первом. В сентябре.

...Усталый, немолодой человек протянул инструкцию по технике безопасности.

— Прочтите, девчата, распишитесь и ступайте работайте.

Для своего первого в жизни рабочего дня я надела выходные туфли и новое, перешитое из мамино, пальто. Мы вошли в цех, и меня сразу же оглушило: высокое помещение казалось темным, дым ел глаза, прямо на меня надвигался танк. Он был огромный и свирепый со своей пушкой. Над головой проскрежетал кран. Я заметалась, засуетилась, закричала и... села прямо на грязный, в мазуте и железных стружках пол. А мимо прогрохотал танк. На нем, как-то сбоку, стоял парень. Шапка на голове лихо сдвинута на затылок, на лацкане пиджака — орден Ленина. Он помахал рукой и весело подмигнул.

Так начался мой первый трудовой день. А вчера еще был институт, были театральные премьеры, споры об искусстве и месте художника в обществе.

И вот я работаю на Тракторном заводе, в Челябинске, в отделе технического контроля. Собираю документацию на все узлы танка, записываю в толстую книгу номера паспортов, а сами паспорта складываю в специальные сумки, которые отправляются с танками. И мне немного обидно заниматься такой скучной работой — в глубине души я долго считала, что это и есть «бумажная волокита». Хотелось действовать — строить, стоять у станка или на худой конец в самом деле «контролировать» эти самые «бортовые редукторы» и «фрикционные», которые я записываю, записываю до одурения. Я, каюсь, иногда задремывала над той толстой книгой, особенно когда была пересменка и мы работали по восемнадцать часов. Но постепенно я освоилась, поняла, что, пока ничему не научилась, хоть этим могу принести пользу. И увидела, что за номерами и паспортами стоят живые люди, которые собирают узлы, работают добросовестно, истово, стараясь делать невозможное, забывая о сне, о еде. А ведь многие — из блокадного Ленинграда.

Только по книгам да по спектаклям я представляла себе завод. Все оказалось проще и человечнее. От директора до рабочего самой скромной профессии все жили одним — созданием новой машины, танка «КВ». Об этом думали дома, об этом говорили всегда и всюду. Об этом спорили. А главное, работали. Ночью, днем, сутками не покидая цеха. И никто этому не удивлялся, никто не считал, что это чрезвычайное. Танки нужны фронту. Цех, завод были тогда для всех жизнью, самым главным в жизни. Прямо в цех прибывали эшелоны из блокадного Ленинграда, с Кировского завода. Их разгружали, кировцев встречали челябинские рабочие и прежде всего занимались размещением оборудования, станков.

Прямо из цеха уходили эшелоны, груженные танками, в действующую армию, а с ними на фронт уходили родные, друзья, товарищи по работе.

В нашем дымном цехе я однажды встретила своего одноклассника и друга Марка Бирюкова. Незадолго до войны он ушел из школы в танковое училище. В Челябинск приехал получать боевую технику. С Марком мы просидели пять лет на одной парте. А здесь я увидела, как он стоял около своего танка и следил за сборкой деталей — такой маленький около грозной машины...

В цехе всегда было холодно, и Марк снял свою новенькую меховую безрукавку — фронтовое обмундирование — и накинул мне на плечи. Эта безрукавка выручала меня потом, на фронте, и не раз старшина строго выговаривал мне за «несоблюдение формы одежды»: ведь только офицерам положено носить ее, а я была младшим сержантом. Марк пробыл в городе всего три недели, почти не вылезал из цеха,

а в свободные минуты заходил ко мне. Перебивая друг друга, мы вспоминали учителей и ребят, разные шалости, в которых Марк всегда был заводилой. Именно ему пришла в голову идея убежать с урока немецкого языка тушить на улице Горького пожар. Счастливые, вымазанные, мы вернулись в школу и были отправлены домой за родителями. Когда мы изучали роман Чернышевского «Что делать?», Марк решил воспитывать свой характер и промолчал целую неделю. Заговорить пришлось у директора в кабинете... Он был талантливым математиком, и учителя пророчили ему будущее ученого.

Я прибежала его проводить, когда Марк уже поставил свой танк на платформу. Марк обернулся, прокричал что-то... Состав тронулся...

Бирюков погиб под Псковом 7 апреля 1944 года, сражаясь на танке «КВ», который был собран в моем цехе.

...В нашей тесной стеклянной конторке после каждого испытания танка собирались рабочие и конструкторы, мастера и военпреды, обсуждая каждый «шаг» танка «КВ». Я слушала их, многого не понимая, хотя этот новый мир становился моей жизнью, все удаchi здесь были общими, все просчеты тоже.

«Летит главный фрикцион», — постоянно звучала в цехе эта фраза. Он долго, этот «главный фрикцион», мучил конструкторов. Я смутно представляла себе функции «главного фрикциона» и так и не успела в этом разобраться. Одно понимала: «летит» там, на поле боя, там, где воюют наши мальчишки. Где скоро вместе с другими девушками с ЧТЗ очутилась и я.

...Я держу в руках номер заводской многотиражки «За трудовую доблесть». Там напечатаны портреты девушек-добровольцев Тракторного завода, которые первыми ушли на войну. Шура Кокорина, Аня Баякова (Антонычева), Галя Лыкова... Тогда, 4 мая сорок второго года, их было двадцать человек.

Напечатан и очерк Ольги Пашниной «Шурочка с Тракторного». И возникает в памяти милое, худенькое личико. Шура Кокорина! Маленького росточка, бойкая, напористая. Она была в Ульяновской школе связи и сразу же стала самой примерной и дисциплинированной. Звонким, высоким голосом отчеканивала устав, активно выступала на всех политзанятиях, безукоризненно шагала и ползала по-пластунски. Всегда раньше всех одета, и на постели ни складочки. И вообще она всегда и во всем была «самая, самая...». На фронт мы попали с Шурой в одну часть и дошли до Днепропетровска. А потом наши пути разошлись.

Я читаю ее письмо в редакцию:

«Я воспитанница комсомола Челябинского тракторного завода. В 1938 году закончила ФЗУ № 1. Работала шлифовальщицей в дизельно-моторном цехе, экономистом в цехе топливной аппаратуры, хронометристкой в литейном цехе. Все эти годы одновременно училась. При отправке в армию секретарь заводского комитета комсомола

сказал нам: «Сражайтесь мужественно, не опозорьте комсомольскую организацию завода». Эти слова мне запомнились на всю жизнь. Я просила направить меня на самую передовую позицию».

И она была на самой передовой: после Днепропетровска попала в диверсионную разведывательную группу.

«Наконец настал день, — пишет Щура, — когда нас должны были забросить в тыл. И тоже из-за моего роста и веса произошел казус: парашют грузовой, берет 120 кг, а я вешу всего 46! Вот и нагрузили меня так, что пришлось в самолет буквально вносить...

В двенадцать ночи самолет оторвался от Большой земли. Пролетели линию фронта, нас обстреливали страшным зенитным огнем. Но я-то ничего не слыхала — так устала, что спала мертвым сном. Когда нам велели выбрасываться, я упала и споткнулась, зуб на зуб не попадал, так меня знобило. Подняться не могу — столько на мне навечно. Взяли меня летчики под руки, повели к люку и выбросили. Перед землей страшное притяжение, и меня бросило о землю с большой силой. Левая нога попала на пеню. Я почувствовала, что сломала ногу и встать на нее не могу. Парашют же тянет по инерции по виноградникам, по кустам... Наконец он зацепился за куст и остановился. Превозмогая в ноге боль, я собрала парашют, подползла к стогу сена и зарыла его там, взяла свой груз, подползла к шалашу, который оказался рядом. Осветила фонариком, там никого не было. С оружием — пистолетом «ТТ» и гранатой поползла я в бурьян. А на ногу встать не могу, такая была боль. Жду своих. Вижу, самолет наш кружится надо мной. Было 2 часа ночи, когда я выпрыгнула, а ребята были еще в самолете. Затем и их выбросили. Я видела, как их парашюты серебрились в воздухе. Они приземлились в нескольких метрах друг от друга, а я от них километрах в двух... Ребята стали меня искать. И только в 4 часа утра нашли, сделали мне шины на ногу, дали костыли, взяли мой груз, и мы пошли к месту сбора...

А в 6 часов утра связалась с Большой землей... И я, «Ока», передала первую радиogramму, что приземлились благополучно, находимся в таком-то квадрате, ведем разведывательную работу...

С радией Щура не расставалась. Обстоятельства сложились так, что диверсионная группа превратилась в солидный партизанский отряд, в котором были чехи, украинцы, молдаване.

...В ту ночь, 4 мая 1942 года, я еще не знала Шуры. Возможно, мы ехали на вокзал в одном трамвае.

Я помню как сейчас: трясется трамвай, мама держит на руках мои вещи и плачет. На вокзале нас ведут в столовую, кормят, говорят напутственные речи. Рядом со мной высокая девочка с Кировского завода, Валя Буршина. С этой минуты мы с ней всегда вместе.

Прощание, последние поцелуи. Все мы слышали, как плачут и кричат матери, провожая своих сыновей на войну. Но когда это тебя

провожают, тебя оплакивают, за твоим вагоном бежит, спотыкаясь, ничего вокруг не замечая, твоя мама, сердце будто стынет... А страшное еще только впереди. Впереди — отступление в изюмских лесах, когда мы чуть не попали в плен. Впереди — непрерывные бомбежки в Миллерове. И кровавый Балатон. А под вагонами мерно стучат колеса, и поезд везет нас в трудную военную жизнь: маршировки, походы, подъем в 5.45 утра, и ты больше не ты, а курсант Ульяновского запасного полка связи.

У нас у всех были самые легкомысленные и романтические представления о службе в армии. Грезили о подвигах, о славе. От нас же требовалось одно: дисциплина и точное соблюдение приказов командира. Мы еще по инерции вступали в пререкания, с трудом отучаясь от «гражданской» привычки считать себя девушками, а не солдатами. На первых порах нам да и с нами было очень трудно. Но зато мы быстро, гораздо быстрее мальчиков научились работать на ключе, ремонтировать телефоны и освоили азбуку Морзе.

Особенно успешно работала на ключе Галка Лыкова. Она стала первоклассной радисткой. Мы с ней — с Ульяновска и до конца войны. На первый взгляд кажется, не так уж сложно на новом месте (а места менялись почти ежедневно) быстро развернуть радиостанцию, установить антенну, выйти на связь, вовремя передать оперативные донесения. Но это только кажется. Далеко не всегда было тихо и спокойно на новом месте... И эта девчонка, такая хрупкая и робкая на вид, в самые трудные минуты не распускала нюни, а, спрятав страх, под бомбежками и обстрелами не выпускала из маленькой руки ключ.

Когда мы встретились с ней теперь в Челябинске, я не сразу узнала ее. И она тревожно вглядывалась в мои черты, отыскивая в них то, давнее. А потом нам не хватило дня, чтобы наговориться.

— Да нет, ничего особенного мы не совершили, — говорит Галя. — Разве только там, где это возможно, заменяли мужчин.

Встретилась я и с Аней Баяковой. И, конечно, всюду первый вопрос был: «Где Валя? Что с ней?»

Я рассказала, что часто вижу ее, хотя Валя Буршина (Герцен) живет в своем родном Ленинграде. У нее взрослый сын, офицер. Годы пощадили ее. Она и тогда выделялась — высокая, смуглая. Веселая и добрая. Немного бесшабашная. Она первая там, в Ульяновске, рассказывала свой домашний гардероб и, «махнув», принесла после вечерней поверки в казарму всякую снедь. Когда она дежурила на кухне, мы, вечно голодные, получали двойную порцию великолепного супа с макаронами и двойную «шрапнель». Не одно страстное признание получила она устно и письменно, как ни охраняли нас командиры от общения с мужской половиной, такими же точно, как и мы, курсантами... И первая подстриглась «под мальчика», подбив на это и меня. Когда мы посмотрели на себя в зеркало, мы сначала

засмеялись, а потом заплакали: на нас глядели две замухрышки с тонкими шеями и торчащими ушами...

Кстати, острижках. Аня Баякова, смеясь, рассказала, что когда они приехали из Ульяновска в Москву на формирование, командир долго и удрученно их разглядывал. А потом сказал:

— Вот что, девочки, идите в парикмахерскую и сделайте хоть перманент — может, станете на людей похожи.

После Москвы Аня попала под Сталинград в авиакорпус дальнего действия. Воевала в Белоруссии, Прибалтике. Была комсоргом роты связи.

...В ноябре нас отправили на фронт. Сначала только Валю. И она, конечно, придумала бежать к комиссару полка Дворкину и просить его зачислить и меня в эту группу: «Он добрый, он поможет...»

И комиссар помог: в один час выдали новое обмундирование, шелковое белье («Чтобы ничего не заводилось», — сказал старшина, когда мы стали примериваться к комбинашкам), жесткие ботинки не по размеру — «подарок Черчилля», как мы называли их, и... белые носки. Хорошо, у Ани Баяковой сохранился голубой купальник, который она зачем-то взяла с собой из дому, — из него вышли отличные чулки. Девчонкам же с близлежащих мест родные доставили теплое исподнее. Им принесли на дорогу домашние белые пышки на сметане, при воспоминании о которых я до сих пор исхожу слюной. Они их ели, еще не понимая святую солдатскую заповедь: один за всех и все за одного.

Нам присвоили звание младших сержантов и отправили на Юго-Западный фронт.

Наша группа добиралась до фронта окольными путями. Проезжали, помню, Филоново, Поворино. В Поворине попали под первую серьезную бомбежку. Но, по счастью, фашисты бомбили аккуратно в определенные часы, и на станции знали это — состав отвели на запасные пути, а мы попрятались в щели. Еще раз основательно бомбили в Филонове...

В штабе Юго-Западного нас распределили кого куда. Большинство челябинцев попали в воздушные соединения.

Наше маленькое подразделение обычно располагалось вблизи аэродрома, вернее, узенькой площадки, вполне достаточной, чтоб там приземлились «У-2» — «кукурузники». Нам пришлось работать на ключ, доставлять срочные донесения на всех видах транспорта. И на «своих двоих». Выдали по нагану, но зря стрелять не велели.

Начиналось наступление под Сталинградом. В одно из моих первых же ночных дежурств дверь в землянку открылась, и не вошел, а как-то вполз вражеский солдат. Струсила я отчаянно, несмотря на свой наган. А солдат поднял руки: «Матка, плен. Хлеба». Как я ни гнала его, он не уходил и целую ночь просидел у печурки. Это был мой первый и единственный военнопленный.

Однажды в наше подразделение прибыл Бернатович. Мотоциклист-ас, как называли его летчики, с которыми он состязался — кто быстрее. И иногда даже побеждал. Он понимал технику, и любой сломанный трофейный мотоцикл превращался в его руках в отличную машину. В его обязанности входило доставлять кого-нибудь из нас с особо секретным пакетом по назначению. И мы любили мчаться с ним на мотоцикле по любому бездорожью со скоростью ветра. Хотя частенько купались в сугробах, а иногда валились в канавы.

Бернатович был намного старше всех нас. О его жизни до войны мы знали только то, что он был шофером-таксистом в Москве. Звали его Адольф, но он очень сердился, если обращались к нему по имени.

Он был аккуратен и всегда выглядел респектабельным, несмотря на старенькое солдатское обмундирование. Подворотнички блистали белизной. Он ежедневно брился и любил попрыскаться одеколоном. А мы очень жалели наши небогатые запасы косметики.

Бернатовичу девчата доверяли свои нехитрые секреты, жаловались, когда было тяжело, читали письма из дома. Он был в курсе всей нашей прошлой, настоящей и будущей жизни. И жалел нас — таких глупых, зеленых, стараясь оградить от грубости и той стороны действительности, которую мы и не понимали толком. Жалел нас по-своему, без сантиментов. Взял на себя добровольно обязанности устраивать в походных дорогах поуютнее, потеплее, посытнее. Умел найти общий язык с самой злоющей и скупущей хозяйкой — глядишь, уж и печка топится и картошка варится.

Когда же было особенно тяжело, он начинал рисовать нам картины нашей послевоенной жизни. Она будет прекрасной и удивительной. В его изложении все мы счастливы, все замужем за добрыми, умными, любящими мужьями. Все красиво одеты, и все делаем то, о чем мечтали... А он разъезжает в своей бежевой «эмке» и возит нас в театры и в гости...

В последний раз мы увидели нашего Бернатовича в венгерском местечке Цеце. Он погиб незадолго до Победы — в марте сорок пятого.

Война закончилась для нас в австрийском городке Эбенфурте. Мы слушали победные залпы Москвы по рациям, слушали Красную площадь. И вспоминали Челябинский тракторный, который проводил нас в длинный, суровый путь четвертого мая сорок второго года.

...Через тридцать лет — 4 мая 1972 года — в заводском музее собрались бывшие комсомолки и фронтовички. Они пришли сюда на встречу со своей юностью и с сегодняшними комсомольцами завода. Со стена, который посвящен им, участникам Великой Отечественной войны, смотрят милые молодые лица...

— Далекое, такое трудное и такое прекрасное время! — задумчиво произносит Раиса Васильевна Волченюк.

Мы проговорили с ней не один час. Прощаемся, выходим на улицу. Кончилась смена. Бегут девушки, одетые в модные шубки, в сапожках

на высоких каблучках. Такие нарядные и хорошенькие. Бегут, спешат по домам, на ходу перебрасываясь фразами о заводской хоккейной команде, которая отправилась в Канаду на матч, о гастрольной поездке в Румынию самодеятельного ансамбля... К железнодорожной платформе движется трактор. Парень с форсом загоняет его на платформу. Трактор проурчал и послушно встал точно на место. Парень помахал рукой и весело подмигнул проходившим мимо девушкам.

...Я иду по широкому заводскому двору Челябинского тракторного. Солнце бьет мне в лицо, утоптаный снег скрипит под ногами.

Вот и он, мой цех, направо от заводууправления. Тогда мы заходили прямо с улицы — его только-только построили, торопясь принять первые эшелоны кировцев из блокадного Ленинграда.

ПОДАРОК ДЕДА МОРОЗА

Нам здорово повезло: на этот раз наше маленькое подразделение расположилось с комфортом. Хотя дом был разрушен бомбежками и артобстрелами, в нем имелась комната с почти целыми стеклами и кухня. В печке мы, как первобытные люди, постоянно поддерживали огонь: в духовке сушили валенки, портянки, на плите разогревали обед, ужин и даже кипятили чай.

В комнате стоял настоящий концертный рояль, который, естественно, пользовался у всех огромной популярностью. Каждый пробовал свои силы, и мелодия «чижика» навязла в ушах, пока у рояля не появился хозяин — в нашем отделении оказался сносный пианист, и теперь ни одно мероприятие не обходилось без музыкального сопровождения.

...Мысленно возвращаясь в те дни, я с грустью думаю о тех, кто жил там, а потом покинул этот очаг. На стенах оставались две-три старинные гравюры, обрывки каких-то затейливых кружев на окнах, осколок зеркала в бронзовой раме. Но тогда мы ни о чем не задумывались — просто обрадовались неожиданному теплу и музыке.

Как всегда, мы расположились рядом со взлетной площадкой, где стояли замаскированные «У-2». «Небесные тихоходы», как их потом назвали, доставляли особо секретные донесения и материалы, которые никак не могли быть доверены радио, телеграфу, а тем более телефону, а наше дело было срочно доставлять донесения по назначению.

Теплая печка, звуки рояля и наличие в подразделении женского, вернее, девичьего, «персонала» порой дольше положенного времени задерживали прилетавших сюда пилотов. И это доставляло постоянную заботу и огорчения нашему командиру.

— Ну, ну, обогрелся, и будет,— ворчал он, выпроваживая разнеженного теплом, музыкой и оживленной беседой очередного замешкавшегося пилота.— Попадет тебе, братец, за опоздание.

Если говорить честно, командир был прав. Мы, девчонки, все поголовно были влюблены в летчиков. Восторженно слушали их порой самые невероятные рассказы, веря каждому слову. Их храбрость, даже отчаянность были для нас совершенно очевидны. Даже походка вразвалку, меховые унты, кожаные шлемы — все было для нас необыкновенным, привлекательным.

Нашего командира и так угнетала «бабская команда», а здесь еще и летчики... Он был с нами вежлив, сух и предпочитал не вникать в повседневные девичьи дела. Когда сердился, то цедил сквозь зубы: «Ну и работничков бог послал!..» Такая сугубо гражданская аттестация вызывала у нас бурные, едва подавляемые приступы смеха... Конечно, ему было сложно справиться с нами, теперь вот мне даже жаль его. А тогда мы считали, что он зря придирается, и называли за глаза «стариком», а было ему от силы лет тридцать восемь.

Два дня подряд перед Новым годом валил густой снег. Перед самым носом ничего не было видно. Словом, погода была нелетная, зато не бомбили и не было артобстрелов. Нас создали в штаб и раздавали новогодние подарки, присланные из тыла. Мне, помнится, достались мужские рукавицы.

Дали нам еще по плитке шоколада. И положенные «фронтовые сто грамм», которые мы унесли в оловянных кружках, чтобы чокнуться в двенадцать часов ночи. Разведенный спирт был мутно-белый и напоминал напиток, который продавался перед войной в магазинчиках «Соки». Там еще продавались апельсиновый, мандариновый, вишневый соки. Торговали в лотках конфетами «ледокол», «каракум». Целый килограмм «каракумов» и бутылку напитка я купила на первые заработанные деньги (я снималась тогда в кино, в массовках) и принесла маме в подарок на новый, сорок первый год.

Сюда, на Юго-Западный фронт, мы попали 19 ноября 1942 года. И хотя о дне наступления на Сталинград нам никто не доложил, но по «верной» солдатской почте кое-что просочилось, и рождались самые невероятные слухи. Мудрые полковые политики подсчитывали, сколько дней осталось до конца войны — получалось месяц, от силы — полтора. А до Победы были еще три долгих года, были и отступления, поражения, потери, смерти. Но тогда все еще представлялось в розовом свете, два месяца на фронте не выбили у нас романтических представлений, и нам грезились «гром Победы».

Командир разрешил нам встречать Новый год.

— Но чтобы никаких безобразий! — строго приказал он.

Закрутив на бумажки стриженные по форме волосы и превратившись в барашков, скинув гимнастерки и облачившись в белые

бумазейные рубашки (мужские, нижние!), закатав рукава, право же, мы стали милы и нарядны. Хотелось пусть ненадолго, но сбросить с плеч тяжелое бремя военных будней, забыть голод, холод и стать нормальными девчонками — ведь самой старшей из нас было всего двадцать лет. На праздничном столе — крышке рояля — была манная каша и рыба камбала («Наши повара любят такие неожиданные пикантные сочетания!» — острили ребята, а я с тех пор на эту камбалу и смотреть не могу!), кружки со «ста граммами» — витамин «ш». Так мы поджидали сорок третий. Кто-то из ребят — в подразделении были и парни — сел за рояль. А мы стали петь. Особо хороших голосов среди нас не было, но удовольствие мы получали огромное — пели с чувством, пели арии из опер, строевые песни, но нашим коньком была мелодекламация, здесь у нас было все отлажено, напратиковались всерьез.

— Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском, — начала нараспев высокая девушка...

Никто из нас в глаза не видел ананасов, тем более в шампанском. Но представлять эту роскошь было очень интересно.

Неожиданно дверь распахнулась: в клубах пара на пороге появился настоящий Дед Мороз с мешком в руках, в унтах, в тяжелом комбинезоне, весь обсыпанный снегом. Это был наш «сосед справа» — летчик из полка ночных бомбардировщиков «У-2».

— Пять километров по сугробам — это, ребятки, вам не Рио-де-Жанейро... Вот что значит любовь! — Он развел руками и под бравурный марш стал доставать из мешка и расставлять на стол, то бишь крышку рояля, роскошную снедь: американские колбасу и тушенку, масло, предел мечтаний — горошки шоколада «кола», весь свой рацион за двое суток, сухим пайком.

— А еще, ребята, фрукты... трофейные... Может, сливы...

— А может, ананасы? — спросили мы.

— Очень даже может быть, — согласился летчик. — Только они замерзли, и их надо разогреть.

Он подал нам консервы в разноцветной яркой упаковке...

— В духовку их!

Кому в голову пришла эта идея, я сейчас не припомню. Штук пять-шесть здоровых, как торпеды, банок были немедленно засунуты в горячую духовку. А мы в соседней комнате под звуки расстроенного рояля чокались, пели и даже танцевали. На миг было забыто все тяжелое — война, бомбежки.

Вдруг наш дом тряхнуло — раздался взрыв. Повалил откуда-то сизый дым. Казалось, что в окна летят какие-то осколки, раскаленные кирпичи, горящие поленья... Едкая гарь заполнила все помещение. Конечно же, мы страшно испугались.

— Ребята, это же не фрицы, это консервы! — закричал кто-то ликующим голосом...

Действительно, пока мы развлекались, банки в духовке сильно нагрелись и взорвались, оставив от нашей уютной печки только рожки да ножки.

Услышав взрыв, примчался и наш командир, думая, что «сработала» оставленная гитлеровцами мина. А мы, перепачканные копотью, но живые и здоровые, старательно уничтожали последствия веселой встречи Нового года.

На полу были обнаружены развороченные консервные банки, а в них невкусные, пресные морковь, тыква, свекла...

Нам тогда не очень влетело от командира — он был рад, что мы целы и невредимы. А вот тому, кто принес угощение, досталось. Об этом нам рассказали летчики, когда через день на «У-2» прибыл очередной «гонец» с пакетом и привез приказ срочно сняться с места, двигаться вперед.

МОЙ ГИТИС

Это, конечно, только штрихи к биографии института, которому исполнилось сто лет. В ней есть более яркие страницы. Но, естественно, человек пишет о том, что ему ближе, что дороже.

...Запыленный старенький автобус, фыркнув, остановился у фанерного домика с шутливой надписью «Таверна». В спецовках, прямо с картофельного поля, будущие актеры, режиссеры, театроведы спешили на обед. Усевшись на деревянные скамьи, они дружно загремели ложками. Пообедали, и снова в поле. Надо было помочь колхозникам до морозов убрать картофель. Потом в песенках, в смешных сценках на капустнике они изображали свой «месяц в деревне». А я глядела на сегодняшних второкурсников и думала: мы после первого курса рыли окопы. Шел сорок первый год. Второго курса тогда у нас не было.

В Государственный институт театрального искусства имени Луначарского я поступила в 1940 году на театроведческий факультет. Первого сентября собрали нас, студентов всех факультетов, в институтском зале. Мы, первокурсники, робко оглядываясь, слушали. «Леонидов», — шепнул мне худенький паренек в очках. А мы не сразу поняли, что это сам знаменитый Леонидов, перед талантом которого мы преклонялись. Он показался слишком обыкновенным, «неартистичным». Он стоял чуть поодаль от директора, в темном костюме, такой скромный и такой старенький. Зато, когда он заговорил, в зале стало тихо и напряженно. Говорил он просто, проникновенно. О том, что театру надо отдавать всего себя, служить ему и при этом содержать душу чистой, любить людей, бороться со злом, за правду. Эти слова все мы слышали не раз, но известное становится откровением, когда

произносят их люди большого дарования и большой души. Его речь для нас прозвучала, как клятва.

Леонид Миронович Леонидов был тогда художественным руководителем ГИТИСа. Василий Григорьевич Сахновский, Николай Михайлович Горчаков, Михаил Михайлович Тарханов, Алексей Карпович Дживилегов, Стефан Стефанович Мокульский, Юрий Александрович Завадский, Борис Владимирович Алперс... Их имена мы произносили с трепетом, как сегодняшние студенты ГИТИСа с трепетом называют имена Марии Осиповны Кнебель, Бориса Александровича Покровского, Павла Александровича Маркова, Бориса Николаевича Асеева, Андрея Александровича Гончарова...

А я училась с Гончаровым. Он был на последнем курсе, когда мы — на первом. И ушел на фронт на второй день войны. Стал конным разведчиком, командиром взвода. В одном из боев был ранен и попал в госпиталь в Москву.

— Это было в конце сорок первого, — говорит Андрей Александрович. — Выписался из госпиталя и, конечно, сразу же в Собиновский, хотя знал, что наши в Саратове.

Я пытаюсь увидеть ГИТИС той поры его глазами. Пустой, холодный, полутемный. Маленький особняк без своих веселых «жильцов». Здание не отапливалось, стены заиндевели. Но в институте осталась небольшая группа преподавателей и студентов. Каждый день тревоги, холодно, голодно. Ребята собирались в комнате под лестницей, там было чуть теплее, разжигали «буржуйку» и, не снимая шуб, репетировали. Готовили небольшие юмористические пьесы, скетчи. Сами шили костюмы и делали реквизит — выступали в госпиталях или перед отправкой бойцов на передовую. А вскоре были созданы первые фронтовые бригады.

В армии считали, что раз я училась в театральном, то, стало быть, артистка. Да я и не очень разувверяла, в глубине души довольная этим недоразумением. Однажды политрук приказал мне выступить в самодеятельном концерте. Только путного из этого ничего не вышло: услышав свой голос, такой ненатуральный, я сконфузилась и стала путаться. Со сцены вылезла красная, как рак, мокрая, как мышь, и очень несчастная...

«Трепачка ты!» — смеялись надо мной...

«Репутацию» свою я восстановила самым неожиданным образом. Как-то в часть приехали артисты. И вдруг вижу — на сцену выходит рыжий кудрявый парень. Элегантно отодвигает тряпку, служившую занавесом, и начинает читать стихи. Я сразу узнала его — наш, гитисовский! Когда кончил выступать, закричала с места: «Жора! Вардзиели!» — и кинулась на помост. Это была одна из гитисовских фронтовых бригад. А Жора — студент режиссерского — веселый, остроумный парень с шуткой на устах и готовым стихотворным экспромтом. Я спрашивала его про Москву, про институт. Мы

вспоминали, как встречали в большом институтском зале Новый, сорок первый год. Гудки машины прервали нашу встречу — артистов ждали в другую часть. ГИТИС, дни учебы снова стали такими далекими, нереальными...

Вернулась я в институт в сорок пятом, 15 октября. Так странно чувствовать себя в гражданском, все еще ощущая шинель на плечах, — только вчера я приехала в Москву, и первый день моей мирной жизни совпал с первым днем занятий в институте. Встречаю своих учителей. Ребят, вернувшихся с войны...

Вернулись с войны не все. Геройски погибла Наташа Кочуевская, девушка с первого актерского. Волевая, красивая девушка, она стала санинструктором. Служила в медсанбате, а когда началось наступление, пошла санитаркой на передовую. Нет Оси Паенсона, щупленького вихрастого мальчика. С такой комической серьезностью он учил нас, девочек, светским манерам. И писал стихи. 22 июня был днем его рождения. Не вернулся Борис Николаевский. Я так и вижу его — всегда с книгой в руках, погруженного в чтение даже в перерывах. Юра Арго. Он был так близорук, что, сняв очки, ничего не видел вокруг себя. Его не брали на фронт ни в какой род войск. Но все же Юра уговорил военкома направить его в действующую армию. Митя Лондон. На фронте он был корреспондентом дивизионной газеты. Перед наступлением Митя добился разрешения идти на передовую линию, в тот батальон, где начинал воевать. Борис Кутаков. Евгений Котляров. Петя Громцев... Потом на мраморной доске напишут имена тех, кто погиб за Родину. А рядом будет всегда стоять букет алых цветов. Наверное, среди тех, кто не вернулся, были великие артисты, режиссеры-новаторы, ученые...

Мой новый курс сначала испугал меня: я отвыкла там, на фронте, и от таких нарядов и от таких категорических суждений о театраль-ных постановках. Все умные, все про все знают. А я? Неловкая, огрубевшая, порой и понять не могу, о чем спор. Забыла, мне кажется, все. В первую сессию пришлось трудно. Не мне одной. Многим. Но мы все любили театр. А пока приходили как один на лекции. Историки и теоретики театра, люди энциклопедических знаний и блестящей эрудиции преподавали нам русское, советское, западное искусство, эстетику и философию. Чуткие, внимательные педагоги, они умело и тонко направляли наши мысли и воображение.

«Мне неважно, если вы забудете год рождения Рембрандта. Мне важно, чтобы вы сумели распознать истинное искусство и отличить его от подделки», — говорил Николай Михайлович Тарабукин. И часами простаивал с нами в Третьяковке возле «Боярыни Морозовой». Объясняя, доказывая, внушая.

Константин Григорьевич Локс читал западную литературу. Мы не сразу оценили этого оригинального человека. Потребовалось некоторое усилие, чтобы услышать его порой ироничные суждения. У него

был глухой, монотонный голос, он говорил, глядя в книгу или в окно. Это очень мешало поначалу. Но потом мы ждали его лекций. Он умел осветить атмосферу, в которой жили и творили гении, по-своему и очень интересно. Мы записывали его лекции почти дословно — получались рассказы совершенные по форме, изящной композиции, с точными определениями, никогда ни одного лишнего слова он не употреблял. «Думайте, ошибайтесь, но будьте самостоятельны. Ищите. Только тогда будет прок», — говорил он иногда доверительно. И никогда не ставил на экзамене «двойки» в зачетную книжку. В крайнем случае «тройку».

Константин Григорьевич Локс не оставил после себя ни книг, ни учебников. Его лекции хранятся лишь в памяти благодарных студентов, которых он научил чувствовать литературу, испытывать счастье от соприкосновения с ее великими творениями.

Наши учителя не «преподавали» свой предмет, а как бы приобщали нас к знаниям. Не требовали заучивания, не требовали, чтобы разделяли их взгляды и вкусы. Давали простор и свободу рассуждать, фантазировать, увлекаться...

Каждый из наших преподавателей был интересен по-своему, и каждый отдал нам частицу своего сердца и своей души.

Мы дружили с ребятами — режиссерами, актерами — и принимали самое деятельное участие в их спектаклях и ролях. Помню, как режиссеры решили поставить политическое обозрение «Маяковский начинается...». В нем участвовали все — актеры, режиссеры, национальные студии и даже мы, театроведы. Мы спорили, возражали, когда казалось, что представление напоминает «синюю блузу». Волновались, обсуждали игру каждого. Так бывало всегда — в маленьком особняке. В Собиновском переулке мы жили единой семьей.

ГИТИС теперь так разросся, что мой родной театроведческий факультет находится в другом здании. Хотя стало просторнее, но немножко жаль, что нынешние театроведы меньше общаются с ребятами других факультетов.

Хожу по коридорам, чувствую себя как дома. По-прежнему работают тут Павел Александрович Марков, Болеслав Иосифович Ростокский, Галина Борисовна Асеева... Много новых педагогов — почти все они выпускники института. И потому бережно хранят лучшие традиции ГИТИСа: воспитывают настоящих помощников театра, которые служат реалистическому искусству, творчески развивают театроведение как науку.

У одной из аудиторий за дверью слышу знакомый голос. Борис Николаевич Асеев, мой учитель, рассказывает студентам о Княжнине, Сумарокове. Он поучал и нас, что XVIII век был не только преддверием, но и самой историей театра, что нет проходных имен — за каждым человек, его творческая неповторимая личность. И мысля-

ми я снова в том времени, когда и мы вот так же тихо-тихо слушали его, открывающего нам мир глубоких страстей и нежной лирики, страданий и поисков прекрасного.

Кончилась лекция. Студенты столпились у свежего номера стенной газеты «Театральные встречи». В ней — работы учащихся, рецензии на новые спектакли, отчеты с театральной практики. Нынешние театроведы каждый год проходят практику в газетах, музеях, литературной части театра. Сегодняшним студентам стремятся дать больше практических навыков.

В чем вообще — невольно задумываюсь — отличие сегодняшнего ГИТИСа? Что нового он дает студентам?

На этот вопрос хочется получить ответ от ректора.

Вестибюль со старинной лестницей в основном здании, которое мне так знакомо. Лестница ведет на второй этаж. Большое зеркало в деревянной раме отражало когда-то лица моих друзей. Перед кабинетом в маленькой комнате сидела раньше секретарь директора Валя Озерова, добрый помощник многих поколений студентов. Теперь Валерия Михайловна заведует учебной частью института.

— Нынче ГИТИС, как и прежде, готовит режиссеров, актеров, театроведов. Но сейчас институт готовит постановщиков оперы и балета, певцов и режиссеров цирка, экономистов и директоров театра. Словом, учит почти всем театральным специальностям, — говорит профессор Алексей Архипович Рапохин, ректор института.

Он продолжает:

— Вы, конечно, знаете, что сто лет назад здесь была всего лишь маленькая музыкальная школа. Потом она стала филармоническим училищем. Преподавали в нем Южин и Немирович-Данченко. Отсюда вышли знаменитые артисты, слава русского искусства — Собинов, Москвин, Книппер-Чехова... После революции его сделали первым высшим театральным учебным заведением страны. В 1934 году институту присвоили имя Анатолия Васильевича Луначарского.

А вы представляете, сколько работников театра выучил ГИТИС за годы Советской власти? Целую армию — шесть тысяч человек! Они работают во всех городах Советского Союза и во многих за границей. Сейчас у нас занимаются представители сорока национальностей из тридцати двух стран мира.

У народной артистки СССР Марии Осиповны Кнебель на третьем режиссерском есть ребята с Кубы, из Сальвадора, Болгарии. Она рассказывает с гордостью о своем ученике киприоте Владимире Кавкаридесе. Он прислал Марии Осиповне книгу о созданной им театральной школе имени Станиславского у себя на родине. Другой ее ученик, японец Ютака Вада, работает у английского режиссера Питера Брука, художника, который набирает в свою труппу только высоких профессионалов. И преподает в Парижской консерватории систему Станиславского.

— Ютака Вада? — переспрашивает заведующая институтской библиотекой, неизменная ее хранительница, Ольга Львовна Браславская (я знаю ее еще с тех, довоенных лет).— Сейчас найдем.

Она тщательно перебирает карточки в деревянном ящике. На каждого выпускника ГИТИСа здесь есть карточка. В ней фамилия, имя. Где работает, кем. Вот карточка, в которой записано все о Ютаке Ваде. А вот и моя однокурсница — Этери Гугушвили, выпуск 1949 года — Тбилиси, ректор театрального института, доктор искусствоведения, профессор... Евгений Чанга, выпуск 1950 года, балетмейстерский факультет. Художественный руководитель труппы «Балет на льду», лауреат Государственной премии СССР... Борис Горбатов, выпуск 1942 года, актерский факультет, Москва, Малый театр, народный артист РСФСР.

Много лет собирает картотеку Ольга Львовна, но и без записей она знает всех наперечет.

Скоро она заполнит новые карточки на сегодняшних дипломников — режиссеров и актеров, которые вместе занимаются у народного артиста СССР Иосифа Михайловича Туманова.

Я нашла этот курс в учебном театре, где студенты репетировали комедию Шекспира «Мера за меру». Раньше никакого театра у нас не было, все премьеры проходили в обыкновенном зале. Зрителями были педагоги, товарищи, родители. Теперь студенты играют перед обычной «платной» публикой, в настоящем театре.

Шекспировская комедия в исполнении студентов-режиссеров прошла с большим успехом. Показав свое мастерство в таком сложном произведении, как «Мера за меру», эти юноши и девушки смогут играть и ставить почти любые пьесы.

Классика — русская и западная, лучшие пьесы советских авторов всегда были основой учебного процесса. Помню чудесный спектакль «Двенадцатая ночь» Шекспира, поставленный студентами Николая Васильевича Петрова. Когда они окончили институт, то каждый в том театре, где стал работать, поставил свою «Двенадцатую ночь». Актерский курс Михаила Михайловича Тарханова играл «Варваров» Горького, «Власть тьмы» Толстого. Все эти спектакли собирали много народа, их повторяли не раз.

Сегодняшний спектакль «Мера за меру» играли в учебном театре семь раз. Играли его студенты-режиссеры, а вот теперь они разучивают эту пьесу со студентами-актерами. Совместное обучение актеров и режиссеров — отличие сегодняшнего ГИТИСа.

— Сначала совместное обучение актеров и режиссеров было в порядке эксперимента, а теперь это система. Часть учебного процесса. Оно очень много дает и тем и другим, — говорит Иосиф Михайлович Туманов. — Начиная с этюдов, будущие постановщики имеют дело с актерами. Это обогащает и развивает их взаимно. Режиссеры учатся распознавать психологию актеров, у них пробуж-

дается уверенность в своих силах. А актеры привыкают слушать голос режиссера, лучше понимают его. Как в настоящем театре.

...Из оркестровой ямы выходит герцог Венский Винченцио — Э. Кове. Кове движется легко, величественны его жесты. Он уверенно ведет свою роль. Чувствуется, что на сцене он не новичок. До института Кове работал в Абхазском театре, как узнаю я потом.

Р. Туменас — второй дворянин — из вильнюсского театра. М. Скандаров — Луцио — из Тбилиси... На режиссерский факультет теперь предпочитают принимать людей с театральным опытом.

Анджело А. Дзиваевым решен интересно. Его герой не однозначен. Чувствуется, что артист много думал и работал над ролью. А. Дзиваев прежде выступал на сцене северо-осетинского театра, того, что был создан из гитисовской национальной студии.

Сейчас в ГИТИСе четыре студии — казахская, туркменская, калмыцкая, киргизская. А всего институт подготовил сорок семь национальных студий...

— Еще в тридцатом году институт взялся за воспитание национальных кадров, — говорит Алексей Архипович Рапохин. — В ГИТИСе занимались якуты, каракалпаки, осетины, башкиры... Их учили И. Раевский и В. Орлов, О. Пыжова и Б. Бибиков. Самые первые ученики не имели никакого представления не только о театре, но и о самых простых вещах, не знали русского языка.

Как радовались Ольга Ивановна Пыжова и Борис Владимирович Бибиков, когда каракалпакская студия, их первые воспитанники блестяще сыграли «Бедность — не порок» Островского. Спектаклем Островского открылся впоследствии театр в Каракалпакии, и шел он там двадцать лет.

Одновременно со мной учились студенты из Татарии. Наш курс был тесно связан с этой студией. Многие из них сейчас в казанском театре имени Камала, в театрах Тувы, преподают в институтах.

Скоро ГИТИС окончит туркменская национальная студия. И, возможно, в городе Чарджоу силами студийцев будет открыт еще один театр. А пока студенты этой студии вернулись из поездки в Германскую Демократическую Республику. Они возили в театральную школу Ганса Отто спектакль по пьесе Шукшина «Энергичные люди».

«Энергичные люди», как и другие дипломные спектакли, тоже шли в учебном театре. Смотрю репертуар: опера «Женитьба Фигаро», пьеса Горького «Зыковы», Арбузов — «Жестокие игры», спектакль-песня «Гренада моя...» по мотивам произведений Михаила Светлова.

— В нашем институте, — сказал мне Алексей Архипович Рапохин, — как и прежде, работают лучшие мастера советской сцены — балетмейстеры и оперные режиссеры, актеры и постановщики драматических спектаклей.

Среди них народный артист СССР Андрей Александрович Гончаров, главный режиссер театра имени Маяковского. Вернувшись с фронта, он стал преподавать в институте.

— С ГИТИСом я не расставался с детства. Здесь работал отец и училась мать. Открывающиеся двери ГИТИСа — мое самое яркое впечатление, — шутит Андрей Александрович.

Гончаров учит, как и все, одновременно актеров и режиссеров. Он занимается со своим курсом у себя в театре, с первых шагов знакомит с непростыми театральными порядками. Этого тоже прежде не было в институте. А теперь стало правилом у многих педагогов.

Студент Гончарова Дима Кречетов с первого курса участвует в спектакле «Человек из Ламанчи». Пока он персонаж без слов, изображает одного из погонщиков мулов. А кто знает, может, потом он или кто-то другой из студентов будет играть и самого Дон-Кихота.

Разные манеры обучения и разный художественный почерк у педагогов ГИТИСа. Но они стараются как можно внимательнее и полнее раскрывать индивидуальность своих учеников, а главное, всегда следуют тем принципам высокого реализма, которые были заложены в самом начале существования института. Школа МХАТа, учение Константина Сергеевича Станиславского были и остаются основными для ГИТИСа. Его первые преподаватели работали когда-то со Станиславским и Немировичем-Данченко. А сейчас здесь работают их ученики и ученики их учеников.

...Мы шли после встречи студентов «моего курса» с теми, кто учится в институте сегодня, по маленькой улице, на углу которой табличка с надписью: «Имени Наташи Кочуевской». Хотелось бы добавить — «студентки ГИТИСа». И эта улица, как мост между прошлым и настоящим, связывает всех, кто учится и учился в нашем ГИТИСе.

ДОРОГИЕ МОИ МАЛЬЧИШКИ

Я поехала в Химки с редакционным заданием написать о школьном музее героев-панфиловцев... Познакомилась с ребятами, которые там с увлечением работают. Школа № 167 Ленинградского района Москвы. Это же номер моей школы! Она была в Дегтярном переулке, и я окончила ее перед самой войной.

— Ее закрыли, а номер отдали нашей, — сказал кто-то.

И как будто сместилось время: смотрю на эту новую школу, а словно бы вижу свою — такую дорогую мне.

Передо мною девочки в аккуратных фартучках, а я вижу своих школьных товарищей. Кажется, пройдет сейчас по коридору женщина в скромном синем костюме, заглядывая на ходу в классы. Наш директор Лидия Петровна Мельникова.

«Что-то давно ты не заходила в школу!» — наверное, сказала бы она. Вот к ней бы и кинулся со своими работами и невзгодами! Дела своих учеников Лидия Петровна принимала близко к сердцу. Она

и жила только школой, ей отдавала всю свою душу. Любила и понимала детей. Старалась вырастить честных, порядочных людей.

Тогда, в сорок первом, все мои товарищи мальчишки ушли на фронт...

Иду по просторным коридорам новой школы. Два мальчика в белых рубашках и красных пионерских галстуках застыли в почетном карауле у Вечного огня. «Слава героям, павшим смертью храбрых», — золотыми буквами написано на транспаранте.

Почти все мои ребята не вернулись домой. И когда я смотрю на Вечный огонь, то думаю, что он горит и в честь моих одноклассников, вот таких же мальчишек, что стоят в почетном карауле, разве чуть постарше.

В честь Илюшки Пятигорского. Бессменный Портос. Лучший ученик нашего 10-го «А». Ему учителя предсказывали научную стезю, и каждый — по своему предмету. Мы отчаянно списывали у него контрольные работы и каждый раз попадали впросак: Илюшка решал задачи оригинально и не по правилам. «Профессор», — поддразнивали мы его. Но он вовсе не был паинькой. Бывало, что и с учителями препирался — Илюша был признанный борец за справедливость. Участвовал в шалостях. «Во время экскурсии по храму Василия Блаженного бегал, играл в прятки», — записала ему в дневник наша классная руководительница Ольга Васильевна Пигарева, она преподавала немецкий язык. Самая молоденькая учительница в школе. Ольга Васильевна хотела прослыть строгой, взыскательной и добросовестно отчитывала нас за проделки. Но мы не боялись ее и очень любили. Гордились, что Ольга Васильевна внучка Тютчева!.. В храм Василия Блаженного мы наведывались еще много раз.

И в честь застенчивого силача Коли Иванова. Высокий широкоплечий красавец Коля страшно смущался. Даже когда учитель вызывал его к доске, он заливался ярким румянцем. И ребята с удовольствием подшучивали над ним, стараясь сконфузить самым неожиданным образом и вызвать краску на его лице. Добряк Коля никогда не сердился на них. Он был отличным спортсменом. Играл в волейбол, баскетбол, легкая атлетика — брусья, конь, различные снаряды были его коронным номером. Куда пропадали его скованность, застенчивость, когда Коля отстаивал честь школы в районных или городских соревнованиях! Мы любовались его ловкостью, точностью и изяществом движений и были уверены, что он станет чемпионом...

И в честь Витьки Аралова. Аральчик — называли любовно самого низенького в классе Витьку... Он сидел на предпоследней парте, подперев голову рукой и устремив взгляд в пространство, — мысли его витали далеко-далеко. В снегах Килиманджаро, в джунглях Индии, в ледяных просторах Арктики. Он не любил тратить время на домашние задания. Но никогда не терялся: с самым невинным выражением лица листал учебник прямо на глазах учителя,

выискивал нужное место и бойко читал ответ. Никогда не огорчался, получая «два». По географии у него была неизменная «пятерка».

И в честь веселого классного «хохмача» Мишки Канцеля. Мишка — бледный, худенький, казался слабым и тихим. Вдруг однажды он поразил нас всех — прошелся по карнизу самого верхнего этажа дома, который выходил на шумную улицу Горького, не держась за стенку. Мы замирали от ужаса и восхищения. В дневнике Ольга Васильевна его подвиг расценила как «глупую выходку». Мы долго, но безуспешно спорили с ней.

И в честь Витьки Друщица — Алисы, которого называли так за нежное, совсем девчоночье лицо. Витя не обижался. Он любил джаз, прекрасно играл на ударных инструментах, виртуозно катался на коньках. Не боясь насмешек, Витька учил девочек скользить по льду, бережно поддерживая под руку.

И в честь Витьки Потехина. Друг Алисы, он сидел с ним на одной парте, во всем разделяя его вкусы и пристрастия. Он был силен в западных танцах, и все девчонки обожали танцевать с ним на школьных вечерах.

И в честь Коки Мулярского, мечтавшего о дальних странах, путешествиях по морям и океанам, об открытии новых островов. Сбылась его мечта: он был единственным нашим настоящим моряком. Вот только странствовать ему пришлось по суровым военным дорогам под грохот орудий и взрывы бомб.

И в честь Марка Бирюкова, которого я встретила в дымном цехе Челябинского тракторного, когда он получал там танк «КВ»...

После войны мы, оставшиеся в живых его одноклассники, часто приходили к матери Марка в большую многонаселенную квартиру на Петровке. В этот день сердитые жильцы разрешали нам шуметь и даже курить на кухне.

Мне хочется, чтобы ребята новой 167-й школы помнили моих погибших друзей — учеников той школы, что была когда-то в Дегтярном переулке.

...Торжественным было открытие музея героев-панфиловцев. За месяц до открытия в школе объявили «военное положение». А это значит: ходить строго по форме, носить голубые пилотки — цвет района. Быть готовым в любую минуту по тревоге занять заранее распределенные посты. Даже по коридорам ходили, чеканя шаг. И говорят, что самые озорные вели себя прекрасно.

Наконец состоялся митинг и открытие музея. В гости приехали Герой Советского Союза генерал-полковник И. М. Чистяков, командовавший дивизией после смерти генерала Панфилова, начальник политотдела П. В. Логвиненко, комсорг Балтабек Джетпысбаев и работник дивизионной газеты «За Родину» А. С. Маклецов, командир Кузнецов.

Были не только взволнованные речи. Были объятия и мужские слезы. Здесь через много лет после войны Кузнецов повстречался со своим бывшим командиром генералом Чистяковым. И ребята, может, в первый раз в жизни увидели, как плачут взрослые мужчины. Поняли цену фронтовой дружбы, скрепленной кровью тех, кто похоронен в братских могилах.

Минутой молчания у памятника героям-москвичам, что стоит на школьном дворе, почтили память погибших за Родину. Памятник этот построили школьники на свои средства — сбор макулатуры и металлолома.

...Мы с ребятами сидим в пионерской комнате. Перебивая друг друга, они рассказывают, как создавался их музей. Для них это общественная работа. Им по-настоящему интересно. Интересно собирать материал о прославленной дивизии, рыться в фондах музеев и в подшивках старых газет, переписываться с бывшими панфиловцами. Искать и находить новых героев, живых и мертвых. И, конечно, интересно совершать походы по боевому пути дивизии.

В ста походах побывали школьники. О каждом дан подробный отчет в специальном журнале, сделана карта, а трофеи — каски, гильзы, снаряды — привезены в музей.

Ребята как-то раз побывали на могиле панфиловцев в Дубосекове. Только что сошел снег. Пионеры убрали могилу, посадили цветы. Тут и застали их жена генерала Панфилова Мария Ивановна и его дочь Валя. Тогда и завязалась их дружба. Ребята потом получали письма от семьи генерала Панфилова и писали им сами. Много новых адресов бывших панфиловцев школьники узнали от Вали и Марии Ивановны. Много адресов, а это значит — много людей, их судьбы, их дела.

Были пионеры в гостях у Александры Григорьевны Кузнецовой. Она рассказывала им о себе и о сыне. Эта женщина во время войны разобрала свой дом, чтобы по доскам прошли советские танки. А ее сын Петя, 11-летний мальчик, показывал нашим танкам путь по заминированному полю. Александре Григорьевне потом войны построили отличный дом, и на нем висит мемориальная доска.

В селе Ефремове Волоколамского района пришла к пионерскому костру пожилая женщина.

— Тихонова, местная жительница, — представилась она.

Начала говорить, а сама плачет. Это на ее усадьбе похоронены 67 бойцов. Она хорошо помнит, как хоронили их. Немцы село сожгли, а красноармейцев, что держались здесь с 16 ноября по 19 декабря 1941 года — это были связисты и автоматчики, — хоронить никак не разрешали. Когда наконец их схоронили, то у многих так и остались удостоверения, партийные и комсомольские билеты. Но, к сожалению, ни имен, ни фамилий похороненных Тихонова не помнит.

...Мы долго не расставались. Я рассказывала ребятам о своей школе. О наших бурных комсомольских собраниях, о литературных

дискуссиях и самодеятельных спектаклях. И о том, как мы мечтали о будущем, которое представлялось таким безоблачным и от которого мы ждали таких великих свершений. Я ушла из этой новой школы с таким ощущением, будто бы побывала в своем далеком детстве. Только тогда у нас не было такой красивой школы, хотя и наша считалась новостройкой. Таких роскошных классов, таких просторных коридоров с веселыми панно на стене и цветами. Таких больших спортивных залов... И не стояли мы в почетном карауле перед огнем вечной славы погибшим героям — эти герои еще не совершили своих воинских подвигов.

ПРОНЯ

Зеленые, шумные от морского прибоя улицы Ялты. Невольно делаю крюк и прохожу по пляжу. Загорелые, веселые, молодые... Нет, они не знают, где Васильевское шоссе.

Немного поблуждав по городу, нахожу Васильевское шоссе, дом № 8. Здесь живет Ефросинья Дмитриевна Севрук.

Дверь открывает девочка лет тринадцати. Смотрит с любопытством.

— Проходите. Мама скоро вернется.

Когда пришла Ефросинья Дмитриевна, мне было уже известно, что девочку зовут Таня, что у нее есть сестра, которая замужем, и брат студент. Скоро всей семьей они поедут отдыхать на Украину.

— Это от моря-то? — спросила я удивленно.

Ефросинья Дмитриевна стала оправдываться:

— Да я ведь с Украины. Никогда бы оттуда не уехала, если б не дети... Девочка болела...

Дети, их здоровье, их воспитание — это же вечная тема: через десять минут мы давали друг другу советы, которые выглядели на словах очень убедительно.

— Мы ведь тоже не всегда своих родителей слушались, и ничего, выросли. — Ефросинья Дмитриевна засмеялась.

— Отец мой мечтал из меня доктора сделать, — продолжала она серьезно. — А я взяла да уехала в Новгород-Северский в педучилище... В институте так и не пришлось заниматься, война помешала.

Так постепенно мы и подошли к тому, что привело меня в этот дом. Во время войны Ефросинья Дмитриевна была связной партизанского отряда, и звали ее тогда просто Проня, Проня Станченко.

Она родилась и выросла на Черниговщине, в маленькой деревне Влешня. Деревеньку со всех сторон обступали густые молодые леса.

Родители ее работали в колхозе. Это были честные и добрые люди,

отзывчивые к чужой беде. Дочек своих воспитывали в высоких нравственных правилах.

Окончив педучилище, она получила назначение в родную деревню. С год учительствовала Проня Станченко, когда началась война. Вызвали в райком комсомола, спросили: если деревню займут немцы, пойдешь на подпольную работу? Разговор показался ей странным. Само предположение казалось безумным: не могла она поверить, что немцы придут в ее деревню.

Не верила и тогда, когда поздней ночью пришел к ним в дом председатель соседнего колхоза, старый коммунист Шакало, и отправились они вместе с отцом Прони — Дмитрием Мартыновичем Станченко в лес, чтобы спрятать там для партизан оружие и продовольствие.

— Если немец придет, Проня, — сказал ей на прощание Шакало, — только с тобой и буду связан. — Он повел ее с собой, показал тайник.

— Это на тот случай, когда прийти не смогу. Почта наша.

3 сентября 1941 года в деревню вошли немцы. Забрали по дворам все, что могли увезти, и уехали. Обосновались в районном центре.

— Кажется, что было все это в какой-то другой жизни, — говорит Ефросинья Дмитриевна.

Мы обе молчим. Та, «другая жизнь» неслышно вошла сейчас в эту комнату, в этот праздничный приморский город.

...В такой же вот жаркий июньский день ходила я по прохладным залам музея имени Пушкина — готовилась к экзамену по истории искусств, последнему экзамену первого курса ГИТИСа. Вдруг музейную тишину нарушил голос диктора: «...вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз». Началась война. Об экзаменах мы больше не думали, да и спрашивали нас так, формально. Мысленно мы уже воевали... Но будни, черные будни войны не легли тогда еще на плечи тяжелым бременем. Вскоре мальчишки пошли в московское ополчение. Девочки — в колхозы. Через год стали брать на военную службу девушек. Вскоре и я попала на фронт.

— От нас тогда фронт далеко-далеко ушел. — Ефросинья Дмитриевна задумалась. И, может быть, увидела себя — худенькую, в материнском клетчатом платке, повязанном по-старушечьи, в старых, стоптанных башмаках. Идет-бредет по соседним деревням и селам. Семечками торгует, сушеными грибами. «Больных» родственников навещает. По дороге смотрит, слушает. Овощехранилище немцы готовят. Но это вовсе не овощехранилище, а склад боеприпасов. Новые казармы строят, значит, охрану ждут. Судя по размерам, — целая рота. Мост железнодорожный. Часовые каждый час меняются. Их трое. Нет, четверо. Запоминает Проня.

Нужно было разуть, откуда в Семеновке столько полицейских. Кто из них настоящие враги, а кто попал в полицию под страхом смерти. Что народ о них говорит? Оказывается, большую часть оккупанты издадека привезли, набрали свои «кадры» из бывших уголовников, а некоторых специально из тюрьмы выпустили. Свои, местные — им мундир силой надели, — они народ не обижают.

Приходилось Проне распространять по районам обращения партизан к народу, листовки с последними фронтовыми известиями. Одна листовка особенно ей понравилась — о разгроме фашистов под Москвой. Чаще всего листовки писались партизанами от руки. На домах полицаев и прочих немецких наемников не переводились надписи: «Смерть предателям Родины». Эту «работу» Проня очень любила. А раз не удержалась: прицепила на широкий домотканый пиджак полица — ему на спину — текст бранной песенки про Гитлера. Вот смеху-то было!

Вся семья Станченко как могла и чем могла помогала партизанам. Прятали раненых.

Однажды им дали знать: из окружения идут бойцы и командиры. Двадцать шесть человек. У многих — оружие. Хотят связаться с партизанами. Надо помочь.

Поздно ночью пришли они. Двадцать шесть — столько же, сколько было бакинских комиссаров. Так и звали их потом — «бакинцы».

Собрались за столом семья Станченко и вышедшие из окружения командиры. Не знают, с чего и разговор начинать. Женщины, конечно, плачут, а Дмитрий Мартынович дрожащей рукой поглаживает седые усы, начинает говорить, а закончить не может. Так странно и удивительно было увидеть одетых в советскую военную форму людей, даже звездочки красные не снимали они. А когда засветили копилку, в ее неярком свете и впрямь всем показалось, что нет войны, нет оккупации. Все, как прежде. Собрались люди за столом, сейчас поедят, запойут песни. Не хотелось видеть, что горница почти пустая — нет ни книг на полках, ни вышитых рушников, а на месте большого портрета висит гирлянда свежей зелени. Так хотелось верить, что все будет хорошо. Перебивая друг друга, разом заговорили девушки — сестры Станченко. Развеселились, засмеялись.

«Лишь один, один боец невесел», — шутливо обратилась Проня к молоденькому лейтенанту, тихо и грустно сидевшему в уголке. Он покраснел, отвел глаза в сторону и ничего не ответил.

— Так и познакомилась я с Борисом Качинским. — Ефросинья Дмитриевна протянула мне маленькую любительскую карточку.

С фотографии как-то отрешенно смотрят на меня строгие глаза. Крепко сжаты губы. Красивое, умное лицо.

Тогда, в 41-м, он был худой, бледный, совсем мальчик. Но мальчик, которому смерть заглянула в глаза — на пятый день войны Качинский был в бою. Еще до войны он окончил ленинградскую

школу связи. На фронте командовал взводом связистов. Только трое в живых осталось из его взвода. Потом окружение. Долгие дни и ночи в пути без пищи, иногда без воды — кругом враг. А в далеком Ленинграде — мать, сестра, братья. Там блокада, голод.

С неделю «бакинцы» жили в Блешне у Станченко. Ждали вестей от партизан. Но вести не приходили. Партизаны проверяли свое будущее пополнение.

Конечно, предосторожность была не лишняя. Но она чуть не кончилась для «бакинцев» трагически. Нашелся доносчик, и днем, когда весь народ был в поле, нагрянули каратели.

Проня на соседнем хуторе была. Рассказали ей потом: успели бойцы в лес уйти, благо он неподалеку был. Однако не все. Одного взяли в плен. Другой убит. Проня почему-то решила, что убили Качинского. Только о нем и подумала она в эту минуту. Пошла в деревню, еле ноги держат.

— Проня, идите сюда! — «Мертвый» Качинский раздвигает густой придорожный ельник, манит девушку. Проня и слова не может вымолвить — так переволновалась.

— Убит Миша Коньшин, — поняв ее взгляд, сказал Борис. — А вас мы очень просим спрятать наше оружие и боеприпасы. Мы их приготовили, но не успели взять. Они в повозке на кладбище. Мы ночью придем.

— Берегитесь! — крикнула вдруг Проня, увидев ехавших по дороге вооруженных велосипедистов. — Немцы!

Но немцы услышали ее крик. Стали стрелять. Проня вместо того, чтобы в лес, побежала в деревню. Бежит, платье белое развевается, а пули ей вдогонку. Ветром в дом внеслась, прямо через дворы и огороды. Платье скинула, надела черную юбку и серую кофточку и на кладбище. Там лошадь с повозкой. Вскочила в нее и обратно домой. Распрягла коней, принялась прятать винтовки, пулемет, мешки с мукой и сахаром.

— Что ты, девка, делаешь? — причитает мать, а сама запихивает в сено огромный мешок. — Всех ты нас погубишь и их не спасешь!..

Под утро пришли бойцы за своим имуществом. Пришел и Качинский.

— Спасибо, Проня. — Только это и сказал. Но не все ли равно, какие слова говорить? Ведь и без них все ясно.

Ушли «бакинцы» в лес. Скоро попали они в большой партизанский отряд, которым командовал Алексей Федорович Федоров. Бориса Качинского определили в группу разведчиков. По дням, неделям, а то и по месяцу ходил лейтенант в дальние разведки, и сведения, доставленные им, были грамотными, четкими и точными. И по-прежнему поддерживал Борис постоянную связь с домом Дмитрия Станченко.

А Проня жила, как прежде: вот-вот попадетсЯ. Однажды пошла она с подругой в соседнее село — надо было отнести большую партию листовок. По дороге достали где-то бутылку спирта. Эту бутылку увидели у них пьяный полицей. Привязался — отдай, да и только, а иначе арестую. Но отдавать спирт полицейу было жалко, и пришлось идти в комендатуру. Находчивая Проня разыграла там целый спектакль: произнесла речь перед немцем-комендантом о чести немецкого мундира, говорила о пьяницах, которые позорят этот мундир, оскорбляют местных жителей. Проню с подругой отпустили из комендатуры, а полицей даже наказали.

Девчата так были довольны своей хитростью, что не удержались и, выйдя из комендатуры, похвалились перед своими же, деревенскими хлопцами, тут же встреченными. Перед своими, с детства знакомыми.

— Отвернись, Федор! — Проня задрала юбчонку и достала листовки. — Спирт — известно для чего. А вот куда их несем — это военная тайна.

Посмеялись, поболтали и разошлись. А Федор служил в тайной полиции. За Проней была установлена слежка. Постоянные Пронины отлучки из дому не могли остаться незамеченными. Хорошо, нашелся человек, предупредил семью Станченко: Проне надо уходить из деревни, иначе быть беде, повесят немцы девчонку.

Так появилась в партизанском отряде Проня. В легком платьице пришла она, в босоножках, в чем была, так и ушла из дома. Обступили девушку бородатые дядьки — не узнать старых друзей, «бакинцев»! Кто-то от широты чувств попытался обнять, поцеловать.

— Осторожно, — смеется другой, — Качинский ноги переломает. Смutilась Проня, до слез покраснела. А вот и Борис.

— Что случилось? Зачем пришла? Опасно тут.

Рассказывает Проня, плачет. Но глаза не горькие — счастливые глаза, сияют. Вместе теперь, может, навсегда вместе.

Заботливо экипировали новую партизанку. Кто дал ложку, кто ремень, кто сумку. Борис подарил ей армейскую шапку. Вручили винтовку — стрелять Проня умела.

— До сих пор в «яблочко» попадаю, — замечает Ефросинья Дмитриевна. Неожиданно она перебивает свой рассказ: — Не могу эту песню спокойно слушать!

...«Ах, война, что ты, подлая, сделала, вместо свадеб — разлука и дым. Наши девочки платьица белые раздарили сестренкам своим...» — тихо поет парень, перебирая струны гитары.

И снова мы умолкаем. И снова думаем каждая о своем.

...Как-то дежурила я на аэродроме, ожидая самолет с секретной почтой. На мне — зимнее обмундирование: ватные штаны, стеганка, валенки не по росту и огромная меховая шапка.

— Эй, солдат, а ну быстро сюда! Держи! — Пилот подрулившего самолета кинул мне на руки большой мешок с подарками фронтовикам. Я как-то неловко подхватила его, и на снег высыпались папиросы, конфеты, варенье, носки. Летчик крепко выругался и начал завязывать мешок. Я кинулась помогать.

— Да не лезь ты, раззява! — Он довольно грубо толкнул меня. — Тью! Да это девушка! — Он смотрел на мое растерянное лицо и улыбался. — Очень хорошая девушка, а я дурак!

В знак примирения он, порывшись в мешке, дал мне плитку шоколада. Мы подружились. Володя Политов был верным другом — заботливым и нежным, всегда делился тем немногим, что у него было. В знак особого расположения он сажал девушек в самолет и делал дватри круга над аэродромом. Если, конечно, поблизости не было командира. Когда случался туман или пурга и вылет отменялся, он доставал свою гитару и пел. Большинство песен он сочинял сам, это были веселые поэтичные песенки.

Володя любил помечтать о нашей встрече после войны. Как придет в театр с букетом красных гвоздик и сядет в первом ряду. — Володя, как и все, считал, что я непременно стану актрисой.

Он бросит гвоздики на сцену. Я, конечно, играю самую главную роль, и все зрители восхищены. Каждый раз он украшал свой рассказ новыми подробностями, смешными и трогательными...

Я не стала актрисой. А красные гвоздики — мои любимые цветы.

Володя Политов был отличным летчиком, храбрым и даже отчаянным, недаром в его кабине висел портрет Валерия Чкалова. Не раз бывал он в трудных переделках. Самолет его горел. И он чудом спасся... Его подбили, когда он возвращался с задания. Еще живым доставили в госпиталь.

— Что с моим штурманом? С Ваней как? — его последние слова. Ответа он уже не услышал.

Это было 23 февраля 1943 года. Под Миллеровом...

Мы говорим и говорим с Ефросиньей Дмитриевной. Не слышим боя часов. Не видим вечера — веселого вечера, расцвеченного огнями туристских пароходов. А мы смеемся и плачем, вспоминая о прошлом. Такое чувство, что знаем мы друг друга давным-давно.

«Боевое» крещение Проня приняла под селом Перелюб — в нем стоял вражеский гарнизон.

— Ну, как новый боец? — спрашивает командир. — Не струсил?

Проня толком и не запомнила тот бой, все как в быстром сне мелькнуло. Рассвет. Тачанка. Мчатся кони. Ребята поют. Партизаны ехали в село под видом свадьбы. И Проня поет. Немцы высыпали из домов: интересно посмотреть. Потом стрельба. И Проня стреляет. Что другие делают, то и она. Страх пришел уже после, когда все было кончено и ни одного немца и полиция в селе не осталось.

А вот медсестры из нее не получилось. Пробовала. Начала перевязывать, и рана-то пустяковая, только крови много, а у самой в глазах темно — ничего не видит.

— На черта мне такую медсестру! — разозлился фельдшер.

Так и осталась Проня у пулеметчиков.

Ушел партизанский отряд из черниговских лесов в далекий рейд. А когда вернулись, ждало Проню горе: немцы расстреляли ее отца, мать и сестру.

Горю нельзя помочь, но облегчить можно. И друзья, как умели, старались. Просилась Проня в разведку с Качинским. Места знакомые. Паспорт немецкий есть. Нет, не пустил командир соединения: нечего рисковать. Только две сестры и остались в живых изо всей семьи...

И моей семье война принесла много печали и боли. Одного брата тяжело ранили в боях под Москвой. Другой... Из Миллерова мы попали в маленькую деревушку Студенок. Только и успели что переночевать там. В четыре утра нас подняли по тревоге — неожиданно немцы перешли в наступление. Я не знала в тот день, что совсем рядом, в пехоте, служит мой брат Владик. Затрепанный треугольник — письмо от него я получила слишком поздно, когда Владик погиб.

Мы с ним были одногодки, росли вместе. Он провожал меня в армию тогда, в Челябинске.

Как только началась война, он рвался на фронт. Стать кадровым военным была его заветная мечта.

Как-то летом, когда наша семья жила за городом, Владик подбил своего дружка, соседа по даче, стянуть у отца, полковника, именной револьвер. Вдвоем они отправились в лес, прибили на дерево самодельную мишень и палили в цель, пока не расстреляли всех патронов. История эта кончилась печально: дружка перепуганный и взбешенный отец отлупил по первое число; нас родители не били, зато наказывали педантично и нудно — Владика посадили «под домашний арест» и не выпускали с участка до конца каникул.

Но стрелять он научился. Получал не раз награды в тире. Хвастался своими пробитыми мишенями, завешивая ими все стены. У него были две рапиры и настоящий морской кортик, который был выменен на фарфоровую статуэтку. Опоясывался жесткими кожаными ремнями, в особых случаях прикреплял кобуру. Читал только про войну. Знал наперечет полководцев всех времен и народов, дни и годы знаменитых сражений. Стал даже потихоньку покуривать трубку, считая это признаком особой мужественности. Но в военную школу Владьку не приняли, чем он был очень удручен и подавлен.

Когда началась война, вместо армии его направили на завод. Угрюмый, мрачный, трясся он рядом со мной и мамой в трамвае,

окруженный девчонками, которых призвали воевать. Он глубоко презирал девчонок и вот должен был пережить такое унижение — оставаться в глубоком тылу.

«Зайнъка, зайнъка...пегух!» — шепнула я ему на ухо детскую «дразнилку». Он поднял на меня глаза — растерянные, виноватые — и жалко улыбнулся. Таким и остался он у меня в памяти.

Владик ушел на войну в конце сорок второго года и только два месяца пробыл на фронте. Он погиб 12 апреля 1943 года. В день своего рождения.

...Тяжелы и опасны партизанские дороги, но по этим дорогам шло счастье Прони и Бориса. Разве чувствам можно приказывать?

Как-то вызывают их двоих к Федорову, командиру отряда. Заволновались они. Зря к командиру не зовут, а нарушений за собой никаких не помнят. Смеется Федоров: «Когда свадьба? У нас и подарки готовы. С Большой земли специально для вас прислали». Дает Проне шоколад, носовой платочек, мыло туалетное. А Борису спирту наливает, и себе, и комиссару: «Здоровье молодых!» Так и состоялась свадебная церемония.

Перенесла Проня свое небогатое имущество в шалаш к Борису. Платице домашнее, чулки, в сумке противогазной — ленты, осколок зеркала, гребенка. Ложка. Подаренное командиром мыло — самая большая ценность.

Летом хорошо, тепло. На куст кусок парашюта натянешь — вот и шалаш. Зато в зиму приходилось туго и голодно. Одеты все были неважно. Сколько ни делись друг с другом добром, от этого его больше не становится. Особенно плохо было с обувью. Землянки строить — мука. Да и из тех, не успели обжиться, немец выгнал... Опять на снег. Коптилка чадит. Было невыносимо трудно. Но была большая любовь, было счастье, ни с чем и никогда не сравнимое.

Холодными ночами мечтали влюбленные о том, как славно они будут жить, когда кончится война. В самом деле, ведь не все ж ей быть. Им виделась уютная квартира и даже белые занавески на окнах, много книг — полки, полки до самого потолка. Как было у Бориса когда-то. Борис по-прежнему военный — он не снимет форму, пока во всем мире не будет покончено с фашизмом. Они, конечно, живут в Ленинграде — разве может жить Борис в каком-нибудь другом городе? Вечером идут слушать «Пиковую даму». Или в консерваторию. Борис с детства любит музыку. Может, Проня захочет учиться петь? У нее хороший голос.

— Нет, нет,— перебивает Проня.— Мы будем жить в Блешне. И я буду учить детей.

Борис быстро соглашается. Зачем огорчать ее. В конце концов в Ленинград можно ездить — ведь это недалеко...Мечты обрываются на самом интересном месте. Тревога.

И Качинский ведет своих бойцов в бой. Он спокоен, даже в самые трудные минуты спокоен. Трус умирает каждую минуту, а храбрый только раз, говорил он. Проне же всегда казалось, что Борис сам лезет под пули. Так бы и спрятали она его, чтобы никакие пули и снаряды не достали. А Борис, если и боялся чего-нибудь, то только одного: не случилось бы чего худого с Проней. Но что можно было сделать? Только одно — воевать. И Борис воевал.

Когда не уходил Борис Качинский в разведку или выпадала свободная минута, то садился с Вячеславом Аггеевичем Деревянко и занимался. Деревянко до войны учителем математики был и с удовольствием учил его. Где-то учебники по геометрии раздобыл, логарифмические таблицы. Трудные задачки давал он Борису и любил смотреть, как он легко и быстро решал их. Смеются ребята: «Делать тебе нечего! Тоже академик нашелся!» Что ж, может быть, и в военную академию после войны пойдет!

Для Прони достал толстые тетради.

— Веди дневник. Для твоей профессии очень важно.

И Проня послушно записывала в тетрадь события дня.

— Покажите, Ефросинья Дмитриевна, дневник. Пожалуйста, — обрадовалась я такой неожиданной удаче.

Ефросинья Дмитриевна покачала головой.

— Нет его. Глупость большая с этим дневником вышла.

Узнали партизаны, что Проня их «описывает». Кто-то поинтересовался, заглянул в тетрадь, других позвал. Стали читать, а потом себе на память листки, что про кого написано, повырывали. Увидела Проня, рассердилась ужасно. Качинский пристыдил ребят и велел немедленно вернуть дневник. Куда там — больше половины на раскурку пошло. А потом не до того было: по всем фронтам начиналось наступление Советской Армии. Все чаще приходилось партизанам вступать в открытую борьбу с оккупантами.

Весь день бомбили немцы село Кожухи. Во дворе, где были Проня с Борисом, бомба прямо возле них разорвалась. Посмотрели друг на друга — живы...

У Припяти, на переправе, Борис со своими разведчиками и, конечно, Проня остановились в деревне. Немцы пытались помешать партизанам переправиться на другой берег...

— Чего мы ждем? — спрашивала Проня.

— Приказа, — лаконично отвечал Борис.

Из соседнего дома прибежала к ним женщина.

— Девушка, оставайся здесь со мной, я тебя спрячу. А там и наши придут. Не бабам со смертью брататься.

Ну что ей ответить? Разве могла Проня добровольно расстаться с Борисом?

Но расстаться пришлось: отправляли Проню на Большую землю.

— До свидания. Не прощай,— разомкнула руки. И как будто не она, кто другой за нее сказал: — Ты навсегда со мной останешься. Сын будет у нас: Борис Качинский.

В дверях самолета обернулась еще раз. Глазам не поверила. Борис плакал. Потом махнул рукой, повернулся, зашагал прочь.

9 марта 1944 года Борис Качинский погиб. Ефросинья Дмитриевна показывает мне письмо.

— Из хутора Новые Кошары. От Маруси Соколовой. В их доме была явочная квартира. Борис с бойцами спал, когда дом окружили бандеровцы.

С шести часов утра до пяти вечера вел Борис свой последний бой. Уже под самый конец он услышал, что замолк пулемет — пристрелились к нему бандеровцы. Борис пополз на выручку товарищу и помог перенести пулемет в другое место. А когда стал отползать обратно, в дом, достала его пуля.

— Все. Попала! — крикнул он Дервянко, тот был неподалеку, раненный.

Поднялся в рост Вячеслав Аггеевич:

— За Бориса — гадам! — Рванул гранату и упал мертвым. Только четверым и удалось уйти.

Случилось это под Ковелем, незадолго до соединения партизан с Красной Армией. Борису Качинскому тогда было 23 года. Проня Станченко осталась вдовой и матерью в 21 год.

Ефросинья Дмитриевна замолчала. Мне не хотелось больше ни о чем ее спрашивать.

— Мама, чайник вскипел! — В комнату вбежала Таня. — Накрывать на стол?

Ушла «та, другая жизнь»... Ефросинья Дмитриевна по-прежнему учит малышей, доводит их до четвертого класса и набирает новых. Рядом хороший человек — муж. Дочки. Сын. Ефросинья Дмитриевна достает из альбома фотографию:

— Это мой Борис. — И говорит с улыбкой. — Сейчас ровесник своему отцу — двадцать три...

1967 год.

ФРОНТОВОЕ СВИДАНИЕ

Зина привыкла к залпам орудий, почти не слышала их — подремывала в кабине рядом с шофером... Со всем своим оборудованием — баней, прачечной, санпропускником — ее санитарный взвод всегда двигался вслед за полком. Когда на фронте выпадала возможность, для бойцов устраивали «банный день».

...Внезапно наступившая тишина разбудила Зину. Она увидела высокие ели и вспомнила лес, в котором едва не попала в лапы к фашистам. В том лесу проехать машинам было трудно, санвзвод поотстал от полка, и его остановил какой-то лейтенант другой части:

— Куда?! Немцы!

Зина хотела было дать команду шоферу повернуть назад, но лейтенант говорит:

— Раненые у нас, а вывезти не на чем.

И Зина не думала ни одной минуты... Еле вырвались тогда они из все сужавшегося кольца гитлеровцев. Машины ее взвода, сделав несколько рейсов, вывезли триста раненых.

Это было в самом начале войны. Тогда лейтенанту медицинской службы Зинаиде Абрамовне Пойда-Березовской, командиру санитарного взвода 420-го краснознаменного стрелкового полка, дали первый орден — Красной Звезды.

Вот и сейчас стало как-то тревожно на сердце.

Машина выехала на берег озера. Карельские озера славятся своей голубизной, а это озеро под цвет неба — серое, хмурое. И глаза у Зинаиды такие же, хотя всегда были голубыми, ясными. Одолевала усталость. Одолевали мысли о муже, с которым рассталась в первый день войны. И до сих пор не знает, что с ним.

...Незадолго до 22 июня в Ленинград, окончив военное училище, вернулся Владимир. Они давно жили порознь, и теперь эти несколько дней пролетели как миг. Утром Зина рано убегала на работу — она была медсестрой. Вечером они бродили по Ленинграду. И казалось, не будет конца и края счастью... Когда радио сообщило, что началась война, Владимир сразу ушел в свою часть. Вернулся домой, а Зина в военкомате. Владимир так и не смог узнать, где она будет служить, — времени на это не было. Не смог и сообщить о том, куда отправляется, — сам не знал...

— Стоп, машина, тпру, приехали, — сказал шофер, когда они выехали на большую поляну. Зинаида увидела землянки, наскоро отрытые, походную кухню, орудия, прикрытые зеленью.

Кто-то уже поспешал навстречу:

— Братцы, баня сегодня будет! Баня! Как здорово!

Заулыбались солдаты, почерневшие от копоти взрывов, от грязи осенней распутицы. В лесу запахло родным, домашним.

— Веники давайте ломать, — деловито распорядился пожилой боец.

Весело задымила печь, взвились в воздух сотни ярких искр, высоко в небо взметнулось пламя, освещающая все вокруг. Бойцы зашумели еще оживленнее. Таскали воду из озера, готовили чистое бельё. И вдруг подскочил к Зине шофер.

— Ох, и шумит ихний начальник! В порошок, говорит, всех сотру. Расстреляю, говорит, на месте. Дислокацию, говорит, штаба фашистам выдадут... Вон он бежит с револьвером.

И Зина увидела, как стремительно шагает к ним человек, майор невысокого роста. И уже издали можно было понять, что он сердит до крайности.

— Ты что, лейтенант, с ума спятила?..— начал он и осекся.— Зинуша, ты ли?!

И майор крепко сжал ее в объятиях.

...Встретились Зина и Володя и какое-то время шагали одной дорогой. Но воевали вместе недолго — снова разметала их военная судьба.

В скольких бомбежках пришлось побывать Зинаиде Пойда-Березовской, в скольких обстрелах! И сколько раз машины ее взвода служили госпиталем, а Зина была для раненых первым «доктором».

И только уже после Дня Победы Зинаида снова встретила мужа, приехала за ним, тяжело раненным, в госпиталь.

Встретились, чтобы уже не расставаться никогда.

БУДЕМ НЕПРЕМЕННО ЖИТЬ

Памятники солдатам, отдавшим жизнь на этой войне,— сколько их в нашей стране и за рубежом!

Вот история двух — в городе Дрисса (ныне Верхнедвинск) и под Рожище, что на Волыни. На одной — фамилия старшего лейтенанта Аркадия Пантиелева. Другой безымянный. Жители Рожище поставили обелиск на месте сгоревшего самолета «ИЛ-4»: «Летчикам, погибшим за наш город» — начертано на нем. Оказалось, однако, что остался жив штурман — младший лейтенант Яков Пантиелев, брат того, кому поставлен памятник в Верхнедвинске.

* * *

Своего сына он назвал в честь брата, не вернувшегося с войны, Аркадием. Яков Пантиелев много рассказывает сыну о брате, о фронте. Время от времени он открывает свой «фронтовой» чемодан, достает оттуда старые фотографии, подолгу рассматривает их. Перечитывает дневник, который вел в детстве, а потом в училище «Штурманский словарь», «Наставление по полетам» в самодельных жестких корочках. Они были вместе с ним в полетах и вот уцелели. А его писем не сохранилось. Письма брата. Аркадий писал часто — матери, сестрам...

Он словно продолжает жить в своих письмах:

«Милая мамочка, драгоценная моя.

Вот только сейчас получил твое письмо. Твои письма всегда такие взволнованные, нежные, близкие и мне понятные. Люблю я тебя так, что в письмах этого не передашь. Да, если бы были у меня крылья, то я каждый день бы летал к тебе. Но я, учти, солдат, я должен защищать Родину. Поэтому свои личные желания не всегда можно исполнить. Сама понимаешь, что я работаю, стараюсь. Как только представится возможность, приеду к тебе... Но надо иметь терпение. Скоро уже вообще конец Гитлеру. Наши войска его крепко гонят».

В письмах мечтает о своей работе: «Главное побить скорее немцев, а там каждый займется своим делом по душе... Я наконец пойду в школу, к детям...»

В письмах Аркадия живут их детство, школьные годы, когда были они вместе:

«...Мне снился наш сад, зеленая Тимирязевка...»

Маленький деревянный дом в Лихоборах. Пять комнат, пять семейств, кухня общая. Отец пришел с ночной смены. Спать не лег, мастерит что-то на кухне. И мать там же, готовит обед. На керосинке стоит кастрюля большая, синяя — меньше десяти человек за стол не садились. У мамы улыбка ласковая, голос тихий, никогда не слышал он ее повышенного тона. Сердилась ли она вообще? Едва ли. На это просто не хватало времени — десять своих детей да два приемных сына.

Комната большая, светлая. У окна — стол. Аркадий сидит, разложил книги, читает. По стенам кровати, диван. На кухне сделаны полаты — там тоже спали.

Старшие работают, младшие учатся. Аркадий и Яков ходят в одну школу. Аркадий у брата пионервожатый. Он любит детей, возится с ними охотно, устраивает игры, походы, рассказывает интересные истории. Он и сказки знает, помнит бабушкины и мамины. Они обе из деревни, с Витебщины. Мать в свое время у помещика доила коров.

В доме царят мир и любовь. Старшие помогают младшим, а младшие во всем слушаются их, почитают. Свои трудности в семье, свои невзгоды, но и радостей много.

Как волновались и гордились родные, когда Яша, который пел в хоре железнодорожного ансамбля Дунаевского, отправился в Кремль — пионеры удостоились чести приветствовать XVIII съезд партии. Стихи читал мальчик — лучший из всех чтец-декламатор, — который приехал из Куйбышева. После этого праздника Яша привел мальчика ночевать к себе домой. А спать-то негде! Очень родные растерялись. Постелили маленькому гостю и Яше на пол, под столом. Лежат ребята, пересмеиваются. Аркадий подлез к ним, спрашивает:

— Ну, как под столом спится? Ничего, ребятки, в тесноте, да не в обиде. Придет время, не только по кровати — по комнате вам выделим. И ванна у вас будет — белая, блестящая.

Посмеялись мальчишки посулам и заснули.

Хотя разница между братьями была всего четыре года, казался Аркадий Якову совсем взрослым. Есть такие, что словно рождаются старшими. До всего им дело, за все они в ответе, все трудности — это их трудности. Они сразу и старшие и еще — богатые. Хотя подчас ни гроша нет в кармане. Другое это богатство — щедрость души. Таким был Аркадий.

Был Аркадий и самый красивый в семье — высокий, голубоглазый, улыбчивый.

Вспомнил вдруг Яков и даже рассмеялся, как, уже будучи студентом, читал Аркадий у них в школе лекцию «О любви и дружбе». Все школьные девчонки повлюблялись в лектора.

Восхищался Яков своим братом и очень хотел стать на него похожим. Может, поэтому и записал однажды в дневнике:

«С сегодняшнего дня я беру себя в руки и буду стремиться не разбрасываться по мелочам, быть выносливым, целеустремленным».

Яков, выискивая в себе недостатки, беспощадно по-юношески бичевал себя:

«Да! Я прежде всего виню себя! Свои манеры, характер... Надо ничего не говорить и не делать, не подумав. Не делать замечаний колких, не язвить...»

Еще до войны Аркадий окончил педагогический институт (исторический факультет), и его послали на комсомольскую работу. Он был словно создан для нее. Вот и с фронта писал: «...Я жив, здоров, работаю, пропагандирую, агитирую...»

До щепетильности честный и прямой: «...Знаешь, есть такие людишки мелкие. Вреда серьезного не приносят, но ты знаешь мой характер — приходится и с ними воевать!»

В Московском комитете ВЛКСМ, в школьном отделе, застала его война. На фронт отпускать не хотели, но он настоял на своем, ушел добровольцем.

В последний раз увиделись братья в июле сорок первого. Якова направили в Челябинское штурманское училище. Он был счастлив — ведь год назад его не взяли, ростом не вышел. «Иль на щите, иль со щитом!» — пошутил Аркадий. Худого не думалось тогда при расставании.

По воле случая старший брат получил в армии звание старшего лейтенанта, а младший — младшего.

Перечитывает Яков письма — до боли знакомые треугольники и конверты с плакатами, призывающими беспощадно бить врага. Это не описание боев, в письмах — чувства человека, который там, на войне, рядом со смертью еще острее понимал, как прекрасна жизнь.

«Успехи, брат, большие сейчас у нас... Тихо шумят белорусские леса. Оживает природа. Ручьи. Хорошие лунные ночи. Но экзотику, чудесную идиллию весны некогда рассматривать. Надо вначале немцев прогнать».

Он, Аркадий, и в письмах заботливый. Недаром мать была с ним нежнее, чем с другими, хоть и любила всех равно.

«Мамочка, ты напрасно беспокоишься, мне денег вовсе не надо. Наша Родина все лучшее отдает Красной Армии — особенно передовым частям. Нашего брата кормят, одевают и обувают всем лучшим».

«...Пишите мне, как живете, в чем нуждаетесь. Папочка, ты пиши об этом, маме трудно писать».

Жалел он своих старых родителей, старался ничем не волновать их, тем более тяжелыми подробностями войны:

«Близится день окончательной расплаты с немцами. Они ответят за все. Старикам говорить не надо об их зверствах», — пишет сестрам.

По письмам видно, как воевал Аркадий. В 44-м разгорелись жаркие схватки с врагом:

«Все дальше и дальше ухожу я от вас на запад. Видите, как мы бьем немцев. Надо только великие силы, большое терпение, и мы дождемся часа победы».

«Я представляю, какой сейчас подъем по всей стране. И в Москве это особенно заметно в связи со взятием Ростова, Ворошиловграда, Харькова. А пока это письмо дойдет, будет еще много отрадных вестей».

Аркадий все время на передовой. Воеет в Белоруссии:

«Дела идут... Командование представило меня к правительственной награде... Обо мне не беспокойтесь».

Потом, уже после гибели, однополчане рассказывали родным, как служил политрук Аркадий Пантиелев. Как получил он свою первую награду. Было раз, дрогнули в бою люди, растерялись — танки прямо на солдат лезли. Вместе с командиром взвода Аркадий бросился вперед, а тогда за ним пошли на врага и солдаты.

А вот последнее, такое жизнерадостное письмо Аркадия:

«Дорогие мои! Очень прошу, не беспокойтесь, что стал редко писать. Но сейчас очень много работы, да и притом я все время в движении. Но дела хорошие, радостные. Очень, очень скоро мы победим и тогда все соберемся. Между прочим, 4 июля (1944 год) в Москве салютовали нашей армии за освобождение одного из белорусских городов. Вы все пишите мне, а я как буду свободен, снова напишу и буду писать часто.

Целую. Ваш Аркадий».

Больше писем от него не было. Пришло извещение: «...Пал смертью храбрых...»

...У гитлеровцев на подступах к городу Дрисса были сильно укрепленные рубежи, закопанные в землю танки, огневые точки, из которых простреливались все дороги... Было решено в тыл немцам послать танковый десант. Командиром группы автоматчиков назначили Аркадия. Танки двигались вперед, когда противник открыл по ним

шквальный огонь. Автоматчики соскочили с брони, пытаясь пробиться вперед. Первым ринулся старший лейтенант Пантиелев. Всего несколько метров отделяли смельчака от позиции гитлеровцев, когда вражеская пуля настигла его. Но автоматчиков уже ничто не могло остановить — сопротивление врага было сломлено, Дрисса освобождена.

Похоронили Аркадия на центральной площади города.

О гибели брата Яков узнал, когда, окончив училище, находился в 20-м гвардейском полку авиации дальнего действия, летал на самолетах «ИЛ-4», был штурманом.

Смерть брата потрясла его. Он знал, что это может случиться в любой момент, но примириться с потерей не мог. Каждый раз, сбрасывая бомбы на скопления вражеской техники, Яков думал о брате, словно видел там внизу, где была скрытая темнотой цель, фашистские доты, на которые в день гибели вел своих солдат его брат.

Думал Яков о брате и когда летел на Бреслау. Отбомбившись, самолет попал под огонь зенитной артиллерии, загорелся мотор. Летчики чудом перетянули через линию фронта, и тут машина стала стремительно падать. Как их выбросило из горящего самолета, Яков не помнит. Не помнит и как был доставлен в польский госпиталь святого Яна под Люблином.

Сознание вернулось к нему только на десятый день. Выходила его, буквально вырвала из лап смерти польская монахиня, пани Мария...

Живо отзывался Яков на расспросы пани Марии, старавшейся отвлечь недвижно лежащего юношу от мрачных мыслей. Он рассказывал о семье, о себе. Как сначала мечтал стать артистом, а потом летчиком. Летал ночью бомбить далекие вражеские тылы. Один раз чуть не погиб весь их экипаж — четыре человека — под Рожице, на Волыни. Самолет подбили, и он упал на картофельное поле, правда, на нашей территории. Выскочили они из машины вовремя — тут же раздался взрыв. Увидели на опушке леса добротный дом, постучались туда. И, как говорится, из огня да в полымя — прямо в руки бандеровцам. И перебили бы их, если б не удивительное солдатское счастье: при падении самолет зацепился за антенну радиостанции стоявшей в городе воинской части. Поднятые по тревоге связисты отправились на поиски упавшего самолета — бандеровцев изловили, а летчиков доставили на аэродром. И снова полеты.

...Пройдут годы, Яков приедет в Рожице и узнает, что после войны на месте сгоревшего самолета поставили серый гранитный обелиск. «Летчикам, погибшим за наш город» — начертано на нем. «А мы тогда остались живы», — удивится Яков. И тут подумает: «Что ж, теперь на сером граните можно обозначить три фамилии — летчика и стрелков-радивов». Двое погибли в самом конце войны. Третий умер недавно — от старой раны. «Мы не от старости умрем, от старых ран умрем», — промелькнули строки стихотворения...

И снова воспоминания вернули его в польский госпиталь. Быть может, не только чувство благодарности испытывал Яков к своей спасительнице. Подолгу просиживала Мария у его постели. А он говорил и говорил с ней, показывая фотографии, читал письма погибшего брата:

«Мы с тобой богачи! Мать, отец, Родина — ведь это одно понятие. И это дороже всего на свете!»

— А у меня только Родина, раненные и ты, — печально отвечала Мария, у которой на глазах фашисты убили мать и жениха, а отца — был он русским — угнали в концлагерь. Вот и ушла она в монастырь.

Яков чудом остался жить: когда он лежал в польском госпитале, ни врачи, ни Мария не знали, удастся ли его спасти.

День Победы Пантиелев встретил там, в госпитале св. Яна. Лежал, смотрел на высокое бесконечное небо, озаренное вспышками салютов, вспоминая своих погибших друзей, брата Аркадия.

«...Думаю, что в этом году удастся повидать всех вас. А может, соберемся праздновать Победу», — писал тот. Яков горько, по-детски заплакал.

На пороге палаты появилась пани Мария с огромным букетом цветов. Она срезала все цветы, которые растила в оранжерее, и подарила их русскому летчику.

— Теперь прошу, пан летчик, — улыбаясь сказала она, — надо добиться еще одной победы — начать ходить...

Но ходить Пантиелев начал не скоро. Прошло еще долгих шесть месяцев.

Он впервые, наверное, понял, как это здорово — ходить по земле! Той самой, за которую погиб его брат, которую защищал он сам. Яков видел ее черную, обугленную и решил сделать зеленой, цветущей. Поступил в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, окончил ее и отправился работать в совхоз...

Агроном ходил по полям. Приветливый, доброжелательный, всегда с улыбкой. Хотя иной раз темнело в глазах от боли. Для Якова Пантиелева война не кончилась девятого мая сорок пятого года. Каждые сутки, каждый час и по сей день ему приходится преодолевать боль от травмы, полученной при падении самолета. Трудно. Порой невыносимо. Но он заставил себя не думать о болезни, заставил себя бросить костыли. Заставил стать полезным, нужным. Улыбаться, радоваться. И, пожалуй, не часто встретишь человека, который так тепло и даже восторженно относится к каждому, кто оказывается рядом с ним. И так страстно любит жизнь.

Однажды он приехал в Дриссу вместе с сыном. Побывал на улице, которая теперь носит имя брата, в школьном музее, где Аркадию посвящен большой стенд. Пришли на центральную площадь и долго стояли у братской могилы. Яков вспоминал, как писал ему Аркадий:

«Родной мой!

Сегодня у нас теплая погода. Приятно. Тихо кругом. Захотелось мне написать тебе несколько слов. Конечно, я бы все эти письма променял на разговор с тобой устный. Но, черт побери, боюсь долго еще придется ждать этого! Хочется одного, чтобы ты был жив. Уж слишком опасна ваша профессия. Никому на войне столько не достается, как летчику, пехотинцу и танкисту. Но я знаю, что мы с тобой счастливые — будем непременно жить...»

Из пятерых Пантиелевых, бывших на фронте, с войны вернулись двое... Брату было двадцать пять, когда его убили. Сыну Аркадию теперь на два года больше. Он архитектор и мечтает создать когда-нибудь памятник тем, кто погиб на войне. Обелиск из гранита, и на нем слова: «Будем непременно жить».

КРАСНЫЙ КЛЕВЕР

Старый деревянный дом словно заблудился среди высоких современных зданий на Ивановской улочке недалеко от Тимирязевской академии. Дом, где жил Петр Иванович Лисицын, знаменитый селекционер. Его имя есть во всех энциклопедиях. В кабинете, который сохраняется в неприкосновенности, остановилось время — массивный стол, на нем старинная хрустальная чернильница, круглые очки, как будто бы только что отложенные в сторону. На этажерке — скрипка. В углу — сноп ржи, связанный руками Петра Ивановича. Его последняя книга «Вопросы биологии красного клевера», труд всей жизни.

Несколько шагов по коридору — и совсем другой мир. Небольшая светлая комната, на стенах висят географические карты, где даже на полу в своеобразном порядке лежат стопки с бумагами, папки с материалами экспедиций, схемы морей и океанов. Современные пишущие машинки с русским и латинским шрифтом. Заправлен лист бумаги. Чувствуется, здесь ни одна минута не пропадает даром. Кабинет принадлежит Александру Петровичу Лисицыну, сыну Петра Ивановича, ученому-океанологу.

Отец и сын. Они схожи между собой. Как, впрочем, и все Лисицыны. Искрой божьей, складом характера, целеустремленностью, умением отдавать себя делу.

Родом они, Лисицыны, из Калужской области. Дед Петра Ивановича, герой Бородина, пал смертью храбрых на поле брани. А потому его сын воспитывался на казенный счет и получил изрядное образование для того времени. У него было тринадцать детей, и восьмерых он послал учиться в высшие учебные заведения. И эти

восемь твердо ступали по земле, оставляя на ней заметные следы, составив славу и гордость Отечества.

Старший, Иван, был специалистом лесного хозяйства. Яков выбрал юридическое поприще, практиковал в конторе известного адвоката Ф. Н. Плевако. Василий занимался у Н. Д. Зелинского, стал химиком, Леонтий — физик, работал у А. Г. Столетова. Константин посвятил себя геологии. Был профессором. Пожалуй, именно он оказал влияние на своего племянника Александра. Одна из Лисицыных, Надежда, ушла на сцену. Играла с Василием Ивановичем Качаловым во МХАТе. В семье хранились фотографии Василия Ивановича с его автографом.

До сих пор с уважением произносят земляки имя Федора Лисицына, который больше сорока лет проработал в уездной больнице города Лихвина (ныне Чекалин). Был хирургом и окулистом, акушером и терапевтом. На свои средства создал химическую лабораторию. По его проекту построили больницу, она существует до сегодняшнего дня.

Петр учился у В. Р. Вильямса и Д. Н. Прянишникова, слушал лекции К. А. Тимирязева. Стал одним из первых академиков ВАСХНИЛ.

Лисицыны, как все истинные интеллигенты, были устремлены к добру и справедливости. Еще студентами они принимали активное участие в первой русской революции 1905 года. В донесениях Калужскому окружному суду сообщалось: «Студенты Лисицыны подстрекали крестьян, внушали им, что вся земля должна быть поделена между крестьянами». За участие в революционных выступлениях четыре брата Лисицыны были схвачены полицией и отправлены в ссылку. Петр Иванович отбывал ее в Нижнем Тагиле.

После ссылки он стал заниматься селекцией на Шатиловской опытной станции.

Как сделать, чтобы все колосья выросли одинаково добрыми, крупными, чтобы на полях России зрел богатый урожай? Петр Иванович искал ответа на этот вопрос в аудиториях Московского университета, в сельскохозяйственной академии, где учился. А потом на Шатиловской станции.

От зари до зари обходил он свои опытные делянки. Только поздно вечером, сильно устав, брался за скрипку. С благодарностью думал об отце, который всех детей обучил музыке. И наставлял их: «В тяжелые минуты музыкальный инструмент часто является другом-утешителем и так же необходимым, как всякая культурная наука».

А утром снова за работу. Особенно любил Петр Иванович уходить в поле, когда моросил мелкий дождь. Вокруг ни души, воздух чист и свеж. Думается отменно. Под шум капель и умные мысли чаще посещают голову.

Потом приживутся во многих областях выведенная им рожь Лисицынская, Среднерусский клевер, овес Шатиловский, гречиха Богатырь. А пока он только пробовал. Сам пахал, сеял, потому что был единственным селекционером на опытной станции. Урожай собирал по колоску. Казалось бы, все просто — вот он взял на соседнем поле у помещика 127 крупных колосьев и все зерна высеял на одном участке. На следующую осень он собирал много больше отборного зерна. Ну, а если непогода — град, дождь, ранние заморозки, засуха? Все идет насмарку. Петр Иванович мечтал о времени, когда вся Россия станет одним опытным полем...

С приходом народной власти Лисицын возглавил Шатиловскую госсемкультуру и стал председателем Шатиловского союза семеноводства...

Время было тяжелое. Разруха, голод после гражданской войны и интервенции. Петру Ивановичу пришлось заниматься не только научной работой. Он стремился распространить чистые сорта и в этом видел единственную возможность накормить хлебом страну...

Но как претворить планы в жизнь?

...О работах шатиловцев узнал Ленин. 25 октября 1922 года он написал: «Прошу... ознакомиться с работами по получению совершенных культур овса и дать фельетон в «Правду» о значении этих работ вообще и о работах Шатиловского треста и русского селекционера Лисицына в частности». В конце этого официального документа Ильич сделал приписку от руки: «Я лично слышал раньше от Осинского очень хороший отзыв о новом (или старом) селекционере у Шатилова. Если удобно, проверьте!

Ваш Ленин».

И Лисицына вызвали в Москву к Ленину. Он отправился. С цифрами, фотографиями, выкладками, доказывая необходимость немедленно организовать массовое разведение и распространение в республике чистосортных семян пшеницы, ржи, овса...

Бывший заведующий тамбовским земельным отделом И. В. Франц вспоминает: «...Мне пришлось присутствовать при докладе В. И. Ленину плана организации Госсемкультуры Лисицыным П. И. Были при этом Держинский, Калинин и, кажется, Теодорович».

После этого доклада последовало распоряжение Ленина в Финкомитет: «Придавая работам Шатиловского треста огромное государственное значение и будучи уверен в том, что улучшение культур растений по американскому типу является одной из важнейших баз для увеличения производительности нашего сельского хозяйства, прошу... удовлетворить по возможности нужды Госсемкультуры».

Хотя с деньгами было туго, государство выделило средства на строительство крупнейшей зерноочистительной фабрики. Фабрику построили. Владимир Ильич распорядился ежедневно докладывать ему о том, как идут дела на Шатиловской станции.

О том времени у Александра сохранились в памяти обрывочные картинки. Большое поле. Лошади. Старший брат спешит за отцом, а тот шагает широко, быстро. Мальчик еле поспевает за ним. Позже и Александра будут брать на опытные деланки. Сыновья подрастут — начнут помогать отцу, работать в поле — пахать, сеять, убирать урожай. Это уже когда Петр Иванович начнет преподавать в Тимирязевской академии. Днем — работа, вечером — бесконечные жаркие споры, волнения по поводу удавшихся и неудавшихся опытов...

В разговорах, спорах участвовали все — и родители (мать — Александра Германовна была тоже селекционером) и сыновья. Все они, кроме Александра, став взрослыми, посвятили себя сельскохозяйственной науке. Александр вспоминал, как чутко ловили они слова отца о хлебе, о земле, о природе. Он учил их беречь природу. Говорил, какую радость приносит общение с ней. Он подразумевал под природой и поле, и лес, и реки, и океан...

Красный клевер. Его любовь. Его страсть. Загадочный цветок. Петр Иванович показывал Александру трехлистник с розовыми или красными сладкими цветками. Что главное в этом растении? Как должны отбирать его селекционеры? По семенам? Или по зеленым листьям? Как создать сорта быстросозревающие и морозоустойчивые одновременно?

«Мы убираем сено с лугов, как бабы в лесу собирают ягоды и грибы», — сердито говорил Петр Иванович. Если бы на всех лугах высевать побольше клевера... Отчего он вымерзает? Может, растения, которые были завезены в Россию, слишком теплолюбивы? И если скрестить их с дикими — они приобретут силу?

Около сорока экспедиций организовал Петр Иванович. Они побывали на севере и на юге, на Тянь-Шане и в Сибири, на Дальнем Востоке и в средней полосе. Изучал, скрещивал. Собирал материал для научного исследования. Жил этим. Даже на фронт писал сыну:

«Разрабатываю громадную программу по клеверу. Надо мною смеются, что хочу организовать институт клевера. А что же? Лен занимает три миллиона гектаров и имеет свой институт, а клевер растет повсюду...»

На фронте были три его сына. Анатолий — артиллерист, Юрий — ветеринар, Александр — штурман.

Недавно, в канун праздника Победы, в Доме офицеров Военно-Воздушной академии имени Н. Е. Жуковского встретились те, кто учился и летал с Александром. Окруженный фронтовыми друзьями, стоял худощавый загорелый человек и оживленно рассказывал. Рядом произнес кто-то: «Это же Лисицын... академик...»

Для них он был по-прежнему Шурой Лисицыным, курсантом Челябинского штурманского училища. Правда, и тогда он их нет-нет да и удивлял. Выпуск был ускоренный, учились день и ночь, а он ухитрился найти время, чтобы заняться какими-то своими науками,

не имеющими отношения к специальности. Перед отправкой на фронт товарищи узнали, что Александр выучил стенографию и английский. Он пригодился совсем скоро. И на войне, когда перегоняли самолеты с Дальнего Востока на Западный фронт. И уж, конечно, после войны. В Оклахоме Александру Петровичу вручали медаль Фрэнсиса Шепарда за успехи в морской геологии. И тут по просьбе ученых он прочитал двадцать лекций на английском. Это было в шестьдесят восьмом году, к этому времени Александр Петрович стал ученым с мировым именем.

Конечно, свободно владеть английским ему помогли не те жадно схваченные крохи знания тогда, в училище. Но, пожалуй, именно тогда он выучился не терять даром ни одной минуты, уметь все доводить до конца. Еще до войны Александр поступил в геологоразведочный институт. Встретив победу лейтенантом 105-го полка авиации дальнего действия, он вскоре подал рапорт с просьбой отпустить учиться. Его отпустили, но с условием — два года летать на самолетах Аэрофлота. Летал. И на международных линиях и по нашей стране. Стал штурманом второго класса, специалистом, каких немного. Но одновременно упорно учился на геолога, чем немало удивлял авиаторов. Зачем? Положения достиг блестящего, денег получал много, профессия уважаемая: летчиков все любят.

Но Лисицын иначе не умел. Не хотел. Как только представилась возможность, распрощался с авиацией, чтобы стать скромным лаборантом в институте океанологии. И учился на вечернем отделении в геологоразведочном институте.

...Сорок девятый год. Первая океанологическая экспедиция на «Витязе». Студенту Лисицыну повезло — его взяли на судно. Конечно, это можно назвать удачей, везением, может быть, — судьбой. Но каждый человек сам повинен в своей судьбе.

В этом своем плавании Александр определит то, чему отдаст и свою неумную энергию и свой талант.

Он будет пытливо размышлять над тем, что даст людям океан в будущем. Эта мысль не даст ему покоя, как не давала покоя отцу мысль о необходимости познать природу красного клевера.

...Все собрались на палубе. Судно кренится, набегают высокие волны — трудно устоять. А надо не просто устоять, но и собрать тридцатичетырехметровую трубку и осторожно опустить ее на дно морское.

Никогда не забудется ощущение праздника, когда из глубин Тихого океана впервые удалось поднять пробу красной глины. Пробирку с такой же пробой как великую ценность в знак особого уважения к победам советского народа в Великой Отечественной войне преподнес нашим ученым английский король Георг VI. В ней были донные осадки, собранные кругосветной экспедицией «Челленджера» в 1872—1876 годах, экспедицией, которая составила первые карты

глубин трех океанов. Лисицын видел этот необычный подарок. Пробирку со «своей» красной глиной он хранит как самую дорогую реликвию.

После защиты диплома — снова Берингово море, снова морские мели, холодные ветры. Работать приходилось в ватниках, закутавшись в брезентовые плащи, и все равно ветер и сырость пронизывали до костей. Вернувшись домой, Лисицын будет анализировать свои наблюдения, все пробы, взятые на корабле. Чертить схемы, считать и пересчитывать... В его монографии «Берингово море» — десятки схем, карт, описаний. Совершенно неизвестные науке сведения по осадочным породам. Интересные гипотезы их образования. Попытки разгадать тайны океанов, ключ к которым, по мнению ученых, лежит в донных осадках.

И так из года в год. Экспедиция, обработка полученных данных и снова экспедиция. Ворохи исписанной бумаги, схемы, фотографии, цветные диапозитивы. Кусочек базальта. Коралл. Пробирка с красной донной глиной...И написанные книги...

...5 января 1956 года сквозь заполняющие водное пространство айсберги протиснулся широкогрудый высокобортный корабль. В воздухе, именно в воздухе парил голубой искрящийся купол — таинственный материк Антарктида. Бог погоды на свой манер откликнулся на прибытие советских ученых, среди которых был и Александр Лисицын. При чарующем сиянии солнца, при лазурном небе внезапно срывается бешеная буря, ураганной силы шторм, разбушевавшиеся волны взламывают в бухте лед...Так Антарктида приветствовала своих гостей.

Александр Лисицын таскает ящики с оборудованием, взрывает глыбы льда, сбивает доски, чтобы потом отжаться тому, ради чего он приехал на край света,— исследованию дна южных морей. А они холодом, ветрами, тьмой преследовали тех, кто деловито изучал их дно. Лисицын не раз вспоминал полярных исследователей, которые вторгались в белый материк. Он знал их по именам и восхищался ими.

И как неожиданный подарок была для морских геологов встреча на обратном пути домой, в Австралии, с национальным героем страны Дугласом Моусоном. Высокий, еще крепкий старик — человек, дерзнувший пересечь царство бурь, штормовое побережье Земли Адели,— приветливо улыбался. Он был прост в обращении; вместе с гостями старательно перемывал в кухне ножи, вилки, рюмки и тарелки — всю грязную посуду, оставшуюся после приема. Глядя на него, Александр Петрович пытался представить, как Моусон ползет по снегу с ободранной кожей, обмороженными пальцами, одного за другим теряя своих товарищей...

...На обработку материалов экспедиции уйдут годы. В шестьдесят шестом — шестьдесят девятом выйдет в свет двухтомный «Атлас Антарктики», в котором вся геологическая часть, распределения

донных осадков, сорок две карты принадлежат А. П. Лисицыну. Всего у члена-корреспондента Академии наук СССР Лисицына более трехсот работ, среди которых семь монографий, два-три десятка статей и две книги на английском.

Строчки ложатся на бумагу убористо, а потом обрываются... Это наброски, поиски, еще не завершенная работа. Только ее начало, анализ того, что собрано, увидено во время последней экспедиции «Дмитрия Менделеева» в юго-восточную часть Тихого океана. Как найти главное, то, что пока, как ему кажется, еще ускользает? Или он найден им, этот ключ, еще раньше? Как догадка, как гипотеза? Она заставляла его снова и снова бороздить просторы океана, исследовать его дно, удивительные частицы взвеси, как бы туманом повисшие в воде.

Когда-то учитель сказал: «У Александра Лисицына богатая фантазия». Его повергли в недоумение эти слова. Что значит фантазия? Витание в облаках? Предположения, которые не имеют почвы? А может, совсем иное? Просто человек умеет, сразу обойдя несколько звеньев общей цепи, шагнуть к завершающей идее, такой далекой, что она еще смутно брезжит впереди и кажется фантазией? Фантазия? Нет. Простое и логическое завершение трудных, напряженных поисков. Оно вдруг осветит все то, что было позади, и то, что будет впереди.

Наверное, и у Лисицына-отца была богатая фантазия. И именно она помогала ему за одним зерном увидеть густо колосющиеся поля, за маленьким зеленым лугом клевера — тучные стада.

Александр Петрович уже взрослым прочитал все письма Владимира Ильича Ленина о шатиловцах, лист за листом просмотрел все материалы, которые возил Петр Иванович на доклад в Кремль, ознакомился с ленинским декретом о семеноводстве, для которого трудился и его отец в начале своей жизни. И как ее достойное завершение — книга, которую Александр видел в рукописи, потом напечатанной, — книга Петра Ивановича Лисицына о красном клевере. На первой странице посвящение — «Полям моей Родины».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

А мы такие молодые	3
Подарок Деда Мороза.	10
Мой ГИТИС	13
Дорогие мои мальчишки	20
Проня	24
Фронтовое свидание	33
Будем непременно жить	35
Красный клевер	41

Татьяна Николаевна Троицкая

ФРОНТОВОЕ СВИДАНИЕ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

Сдано в набор 27.05.81. Подписано к печати 31.07.81. А 00405.
Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,09.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1757. Зак № 759. Цена 20. коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 70668

Он не займет много места, не утяжелит рюкзак, чемодан, дорожную сумку...

Собираясь в путь, вспомните о **ТРАНЗИСТОРНОМ РАДИОПРИЕМНИКЕ «КВАРЦ-404»**. С его помощью можно слушать радиопередачи в диапазонах длинных и средних волн, для удобства пользования в нем предусмотрена возможность подключения внешней антенны и головного телефона.

Цена — 34 руб. 78 коп.

ЦКРО «Радиотехника»